

ИРЭН БЭГГИНС

Под веткой сирени

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирэн Бэггинс

Под веткой сирени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68765859

SelfPub; 2025

Аннотация

Вскоре после смерти своей сестры студентка Энн вместе с родителями переезжает в новый город, чтобы постараться справиться с тяжестью своей потери. Новые друзья и романтические связи помогают скрасить её пребывание на новом месте, но всегда ли этого достаточно, чтобы начать снова радоваться жизни и забыть горести прошлого, если и жители городка тоже хранят свои тайны?

Содержание

Предисловие автора	4
Глава 1. Прошлое – в прошлом	6
1	7
2	12
3	20
4	27
5	31
6	38
7	67
8	71
9	76
Глава 2. С оглядкой назад	91
1	91
2	102
3	117
4	125
5	134
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Ирэн Бэггинс

Под веткой сирени

Предисловие автора

Данная книга написана без какого-либо писательского опыта в подарок подруге и не планировалась выходить в свет, но именинница посоветовала разместить её, поскольку книга очень понравилась.

Прошу оставить отзыв/оценку (и тут, и на Лайвлибе), мне безумно важна обратная связь. Отпустить своё "дитя" в мир – это волнительно!

Часть сюжетных моментов в данном тексте была удалена в связи с принятием нового законопроекта. **Книга содержит описания сцен насилия и жестокости. Читайте с осторожностью!**

Приятного чтения!

Новейший upd на февраль 2025: в далёкой-далёкой одинокой папке на рабочем столе у автора хранится редактируемая версия рукописи, ведь всё же слог не таков, каким я бы его сделала сейчас. Сюжетные моменты все сохраняются, разница касается языка, слога, деталей описания, мыслей персонажей, построения предложений и прочего, на что мог обратить внимание самый придирчивый читун. Поскольку

число чтений резко увеличилось, спустя долгое время я повторно приступила к редактированию и уже понемногу обновляю текст здесь. **Важно!** На момент 17/08 я заметила, что в Часть2 **выпали главы 7,8,9.** После бй шла 10я. Прошу **удалить кэш и файл**, а затем снова скачать (покупать не придется вновь). Эти главы **важные**, если у вас их нет, то нужно файл обновить. Без этого не видны никакие изменения.

Глава 1. Прошлое – в прошлом

Стремглав я бежала через больничный коридор в попытках найти нужный мне номер палаты. В голове пронеслось множество фраз, которые мне нужно сказать ему, несмотря на всю причинённую мне боль. Несколько мгновений и вот я, запыхавшаяся, пересекла порог комнаты, и эхом в моих ушах раздались еле слышимые сигналы кардиомонитора.

– Ты как раз вовремя, – послышался отчаявшийся женский голос, не предвещающий ничего хорошего.

Упаковывая двадцатую коробку с вещами, невольно забиваешь голову всевозможными тревожными мыслями, связанными с предстоящей поездкой за пару сотен километров отсюда. Стоит ли оно того? Смогу ли я нормально продолжить обучение в Пенбруке? Перестанут ли родители оглядываться назад и цепляться за призрачные воспоминания, которые давно следует отпустить?

Это всегда страшно – начать что-то новое, особенно, если не знаешь, что тебя ждёт впереди. Вы можете либо начать новую жизнь, полную перспектив и возможностей, либо же получить то, что окажется гораздо хуже той жизни, от которой пытались бежать. С другой стороны, иного выбора и не было. После смерти моей сестры Эвелин состояние нашей счастливой семьи заметно подкосилось.

Последние восемь месяцев выдались тяжелыми. Папа ушел в работу с головой, чтобы хоть как-то отвлечься от тягостных мыслей. Он всегда хорошо разбирался в своём деле, несколько раз даже продал фешенебельные и солидные виллы знаменитостям, которые вышли на него через ассистентов или знакомых. Для таких клиентов агенты по недвижимости спокойно могут накинуть сверху пару десятков тысяч. Папа всегда говорил, что сделает всё возможное ради того, чтобы у нас с сестрой было достойное будущее, поэтому

крупные гонорары он частично откладывал на наше с сестрой обучение в университете или колледже. Всё самое лучшее шло дочкам. Или ... дочке?

Эвелин всегда мечтала быть химиком, училась в свое удовольствие и стремилась к постоянному пополнению своего багажа знаний, который итак был богаче, чем у половины её знакомых. Я не любила все эти сложные, заковыристые формулы и уравнения, но сестра горела желанием во всём этом копаться и разбираться, поэтому на учёбу два года назад она уехала в Пенбрук с огромным энтузиазмом, которому я могла лишь позавидовать. Радостно, когда человек горит делом, которое ему по душе, и страшно, если он его так и не обрёл за долгие годы. Однако если ты горишь чем-то, главное – не сгореть.

По иронии судьбы именно в этот город мы с родителями и переедем в скором времени. Я же, в отличие от сестры, была человеком более творческим, интересовалась искусством и яро влюбилась в литературу и поэзию. Погружаться в мир произведений и в изучение их особенностей, жанров и писательских трюков, – вот, что приносило мне наслаждение.

Мы с сестрой были невероятно близки друг с другом, в детстве она часто заменяла мне мать, вечно проводящую время на работе и перебирающую аптечные препараты. Я многое потеряла с уходом Эвелин, и как же жаль, что ей не удалось доучиться и прожить ту жизнь, которой она была достойна. Я считала сестру самым светлым человеком на све-

те и, по моему мнению, ничуть не преувеличивала в своих суждениях, ведь таковой она и была на самом деле. Редко можно было услышать хоть долю злобных слов в её адрес. Эвелин любила людей и любила эту жизнь, не переносила ограничений и была открыта всему новому, что встречалось ей на пути. А то, что не встречалось, она выискивала сама. Приручить её было сложно любому парню, да и сестра редко на кого-то смотрела серьёзно. Такой я её и запомню, несмотря на колоссальные изменения в её личности за последние месяцы жизни.

Вернёмся к теме родителей. Мама, в отличие от папы, перестала работать, уволилась из аптеки и полгода назад решила заняться домашним хозяйством, с головой погрузившись в готовку, вечную уборку до скрипа пола и выращивание салата. На кой чёрт он ей сдался? Однако домоводство не способно отвлечь на длительное время, поэтому порой я застаю маму, в одиночестве устроившуюся на веранде и попивающую очередной бокал белого вина. Постоянное отсутствие папы дома тоже не придавало ей сил и моральной поддержки.

Казалось, каждый из нас переживал общее горе в одиночку. Мы не сплотились, не окружили друг друга поддержкой и не стояли бок о бок, разрушая негативные мысли, преследующие оставшихся членов семьи. Вэствилль морально тянул нас вниз, а по стенам нашего семейного гнезда прошли глубокие трещины, залатать которые вряд ли получится. Что-

бы это случилось, необходимы усилия и желания, но абсолютно никто не пытался начать. Точнее, были попытки с моей стороны, но они пресекались и сталкивались с угрюмыми настроениями родителей. Да, жизнь семьи перевернулась с ног на голову, но это не значит, что она остановилась. Мы должны смотреть вперёд, жить дальше, строить карьеру, влюбляться, ошибаться, смеяться. И вот после первого года в университете я разузнала о переводе в другой город. В этой идее наша семья уцепилась за призрачную надежду на новую жизнь, в которой, наконец, всё пойдёт своим чередом. Без ссор, без чёрной полосы в жизни.

Работа для отца найдется в любом штате, он не привязан к одному конкретному месту. Специалиста с двадцатилетним опытом и умением заговорить любого оторвут с руками в любой точке Америки. Больше всего я переживаю за маму, нежели за отца, поскольку последствия нашей утраты внешне проглядываются именно на ней. Мама меньше улыбается, редко выбирается на встречи с подругами, перестала наряжаться и отдалилась от меня. Возможно, папа остаётся сильным лишь ради нас и не показывает слабинку. Он ведь глава семейства, наша опора. Не всегда удаётся ему быть таким, но папа пытается. Сложно судить, я не могу заглянуть в родительские мысли, как бы мне ни хотелось разобраться в их чувствах.

И вот, до отъезда оставалось всего ничего. Из масштабного мне осталось упаковать лишь свои драгоценные книги,

коих за три года скопилось уже под сотню. Коллекционные, с барахолки, выцепленные на закрытых интернет распродажах. Любовь к книгам мне привила сестра, и большую часть моей коллекции подарила именно она, чётко попав в мои интересы в разные периоды жизни.

Стоя у высокого стеллажа вдоль всей стенки, я осмотрела мои драгоценные книги нежным взглядом и, улыбаясь, провела кончиками пальцев по стоящим в ряд шершавым бумажным изданиям. Все они были в идеальном состоянии. Моя бумажная страсть и подтолкнула меня поступить на писательское дело в Вэствильский университет. Благодаря отцу сейчас есть возможность продолжить образование в Пенбруке, где стоимость учёбы в год выше почти в три раза. Хотя бы здесь мне улыбнулась удача. Лишь бы программа первого курса у нас была схожей, и мне зачли прошедшие предметы, иначе придётся «рвать булки», как говорила Эвелин.

Чтобы упаковать книги я потратила около двух часов, а чтобы собрать всё свое приданое в целом ушло порядка недели. Совершенно не представляю, сколько времени потом займёт это всё разбирать и, скорее всего, пару дней я проживу среди коробок, расставленных по полу, постоянно спотыкаясь обо что-то и матерясь себе под нос, хотя нецензурные слова я предпочитаю не использовать, в отличие от Эвелин, которая не стеснялась в выражениях.

Мы выезжаем завтра во второй половине дня и нужно успеть осмотреть дом на наличие забытой мелочи, ведь будет неприятно по приезде в Пенбрук осознать, что ты оставила в старом доме важную вещь. Я заглянула в каждый угол родной комнаты, чтобы убедиться, что ничего не забыто, и затем направилась к маме, которая ближе к вечеру, как всегда, сидела снаружи.

Сейчас, в начале августа, в Вэствиле все ещё стояла теплая погода, поэтому кто-нибудь да занимал место на плетённом диванчике на веранде. На случай прохлады папа купил мини камин, который мама пристроила туда. Он чем-то похож на мини печку черного цвета, из которой сверху выглядывает подобие трубы. Помимо согревания еще и приятно расслабляет смотреть на горящие внутри угольки и танцующее среди них пламя.

Мама укуталась в свой любимый жёлтый, вязаный кардиган, подмяла одну ногу под себя и крутила в руке пузатый бокал белого вина, глубоко о чем-то задумавшись. Даже в такой обычной домашней обстановке мама была необычайно красива: её светлые, слегка волнистые волосы гармонично дополняли нежный взгляд зелёных глаз и скромный румянец на щеках. Я подцепила пушистый плед, лежавший на тумбе рядом с дверью, и пошла в её сторону, чтобы немного

поболтать и побыть рядом.

– Какой уже это по счёту бокал вина, мам? – посмеиваясь, я под села к ней.

– Энн, ты обо мне плохо думаешь, – возмутилась мама и шуточно закатила глаза, – это первый. Купила белое сухое и не угадала, вкус отвратный. Полусладкое мне нравится больше. Тебе налить? Будешь? Может быть, тебе понравится, – мама уже было потянулась за чистым бокалом, стоящим на соседнем столике.

– Не хочется, спасибо, – ответила я, поморщив нос, – я планировала сходить до кондитерской миссис Роуз за её фирменным морковным тортом и, может, прихватить ваши с папой любимые пирожные.

Миссис Роуз, приятной полноты дама в возрасте, владела тремя кондитерскими у нас в городе, где каждый мог найти угощение на свой вкус. В одной из них, которая находилась в двадцати минутах ходьбы от нашего дома, она работала сама и с удовольствием помогала подбирать сладости каждому покупателю. Именно туда я и любила ходить, ведь эта добрейшей души дама обладала очаровательным шармом и умудрялась поднимать настроение даже самому хмурому человеку на свете.

– Хорошая идея, – ответила мама с такой грустной улыбкой на лице, что я поняла – без вкусного торта тут не обойтись. – А ты что ли в этом тряпье пойдешь? Надела бы платье вместо футболки с шортами. Зачем тощие и бледные ноги

открывать? Совсем не кормят тебя дома как будто. И волосы вон заколоть еще можно, а то висят светлой соломой.

– Всё нормально. Тоже волнуешься перед отъездом? – я заботливо накрыла её руку своей, не обращая внимания на колкости.

– Разумеется, я ведь всю жизнь тут прожила, – воодушевилась мама и плотнее закуталась в плед, – здесь я встретила Скотта и вышла за него замуж, родила вас с ... – тонкие губы поджались, вздрогнув, – с Эвелин. Твои бабушка с дедушкой тоже прожили здесь всю жизнь, нас многое связывает с Вэствилем. Жаль, что они не успели застать то время, когда вы с сестрой поступили в университет. Они бы так гордились вами обеими. Моя мама, царство ей небесное, мечтала о том, как сделает с тобой и Эвелин выпускное фото в классической синей форме с накидкой и квадратной кепочкой. Всё-таки никогда не знаешь, когда рак окончательно поставит точку в твоём здоровье. Поэтому, дорогая, никогда не упускай своих возможностей в этой жизни, – мама посмотрела на меня и на мгновение улыбнулась, а затем отпила большой глоток алкоголя.

– Я тоже переживаю, – призналась я, прижавшись ближе к маме, и положила голову на родное плечо, – грустно расставаться с домом, который отстроил дедушка. Вдобавок ко всему в университете будет сложно. Адаптация и всё такое.

– Энн, ты у меня умница, поэтому мы с папой ни на секунду в тебе не сомневаемся. Так, давай уже беги за тор-

том! – пролепетала мама, мягко шлёпнув меня по колену, – я немного посижу и пойду греть ужин. Отец должен прийти примерно через час, сядем ужинать вместе, и не вздумай опоздать, ты же знаешь, что он не терпит опозданий.

Слабо верилось, что родители во мне не сомневались. Больше поверю в то, что они даже не задумывались о том, каково мне будет в универе, смогу ли банально найти друзей и не чувствовать себя одинокой.

– Уже одной ногой в пути, – я отложила плед в сторону и спустилась вниз с веранды.

– Кстати! – мама выглянула из-за изгороди, – а ты хоть собираешься навестить Лу перед отъездом?

Чёрт. Ну зачем ты про нее вспомнила.

Лу, она же Луиза, была моей давней школьной подругой, с которой я шла бок о бок большую часть школы, мы были как сёстры. Точнее, я построила такую иллюзию. Увы, наше воображение не всегда соответствует печальной реальности.

– Я собиралась, конечно, но не уверена, что она сейчас в Вэствиле, – крикнула я вслед маме и ушла вдоль нашей улицы прямо в сторону кондитерской миссис Роуз, не дожидаясь ответа. Не хотелось лишних расспросов.

На самом деле, я знала, что Лу в городе. Просто у меня не было ни малейшего желания навещать её. Это может звучать некрасиво, но после некоторых событий у меня остался мерзкий, царапающий душу осадок, который заставил разочароваться в таком явлении, как дружба.

Наш небольшой городок по большей части состоял из домов не выше пары этажей, поэтому в нём было очень уютно и атмосферно, даже на улицах не бывало шума машин. Здесь не чувствовалось городской суеты в отличие от больших городов, где люди ходили с серьезными и напряжёнными от своих масштабных дел лицами, а по дорогам со звонким рёвом мотора носились люксовые машины. В Вэствиле всё по-простому... здесь все друг друга знают, проводят пикники большими компаниями в городском парке и выручают, приходя к тебе со стаканом сахара из другого конца улицы, если он у тебя кончился, а тебе неожиданно взбрело в голову испечь пирог в десять часов вечера. Во время прогулки вдоль соседских домов по улочке Стэнвоул на меня нахлынули теплые воспоминания. Я часто любила поностальгировать. Здесь мы с Эвелин каждый день вплоть до моего девятого класса ездили на велосипедах до школы и обратно, останавливались где-нибудь по дороге, чтобы слопать бургеры, за что мама нас постоянно ругала, ведь она накрывала на стол большое изобилие блюд, чтобы порадовать всех. Но Эвелин даже на короткой прогулке не планировала оставлять меня голодной, обязательно нужно было перекусить для поднятия настроения.

Чуть поодаль, на другой стороне улицы, в небольшом парке среди деревьев находился детский городок с качелями, разноцветными горками и разного рода каруселями для детей и подростков. В пятом классе Боб Шридер, пухлый бе-

лобрыый мальчик на год старше меня, гуляющий в компании друзей, пытался отобрать там мой леденец, который подарила миссис Роуз, и шутил, что я растолстею и не влезу ни на одну качельку на площадке. Его друзья стояли рядом и неприятно хихикали, пока тот приплясывал с отобранным у меня леденцом и крутил им перед моим лицом, чтобы подразнить. Эвелин, возвращавшаяся в этот момент от компании приятелей, с которыми ранее отходила поговорить, увидела Боба, примчалась к нам от самой дороги, яро размахивая руками, и со всей силой толкнула его в плечо, чтобы тот отцепился от меня. Он по-пороссячи взвизгнул, отшатнулся назад и ударился ногой о бортик песочницы, в которой играли соседские детишки. Помню, как на мгновение вся ребятня в радиусе десяти метров замерла и молча наблюдала за происходящим в ожидании захватывающего зрелища, ведь Эвелин славилась своей прямолинейностью и отсутствием страха перед такими жалкими людьми. Я стояла, как вкопанная, и не могла сказать ни слова. Время остановилось. Сестра пулей встала передо мной спиной ко мне, отгородив от него, и неожиданно для всех прокричала Бобу в лицо с таким взглядом, который мог вызвать чувство страха даже у самого задиристого хулигана:

– Если ты, жирная рожа, съешь даже один этот леденец, то земля в парке под нами совсем провалится!

Лицо Боба в этот момент было приятным зрелищем. Взгляд напуганного хорька, наполненный подступившими

слезами. Как ни крути, он был простым маленьким ребёнком, которого не так уж и трудно напугать. Чтобы не позориться, он лишь потрогал рукой голень, которой ударился о песочницу, сморщился от боли, но не стал распускать нюни. Боб тихо ушёл с ребятами в другую часть парка, чтобы не попадаться моей сестре, ведь Эвелин могла снова сказать пару ласковых в его адрес. Боб хоть и был смутьяном, но с Эвелин не хотел иметь дело, поскольку она общалась со многими старшеклассниками, которые были крутыми в глазах таких парнишек типа Боба. Обидев её, любой хулиган мог схлопотать себе проблем, сталкиваясь с которыми трусишкам хотелось меньше всего.

Эвелин всегда могла постоять и за себя, и за меня, а в выражениях она никогда не стеснялась, потому что знала – один раз промолчишь там, где не следовало, и до конца жизни люди будут на тебе ездить. Она всегда говорила – «Если ты покажешь людям свой стержень и закалку, то они не позволят вести себя с тобой как засранцы». Я стараюсь как можно чаще вспоминать эту фразу, чтобы не дать слабину. К сожалению, я не такая дерзкая, как она, хотя это во многом облегчает жизнь.

Спустя минут двадцать после прогулки по «аллее памяти» я подошла к кондитерской миссис Роуз, которая располагалась на первом этаже таунхауса и была оформлена в бело-розовых тонах с огромными прилавками. Я купила несколько кусков торта и душевно поболтала с ней самой. Эта дама,

обладающая необычного цвета рыжими, короткими волосами и свежим румянцем на лице, лишь одним своим видом могла вызвать улыбку. Во многие трудные времена, возвращаясь со школы, я заходила к ней и делилась своими переживаниями, потому что точно знала — я получу поддержку. Даже после смерти сестры я выговаривалась именно миссис Роуз и ждала мудрых старческих наставлений.

Солнце потихоньку начало садиться и озарять голубое небо оранжевыми красками, которые просачивались меж деревьев вдоль дороги и заставляли меня щуриться. Нос окутал запах растущих в соседских дворах цветов и кустарников, а тёплый воздух обдувал открытые участки моего тела. Я остановилась на мгновение, закрыв глаза и по-доброму улыбаясь.

– Боже, как же хорошо, – подумала я, вдыхая аромат соседских гибискусов.

Лёгкой походкой я направилась вперёд, глядя по сторонам, чтобы насладиться видом нашего города.

Раньше я никогда не ездила надолго в крупные города, а сейчас у нас не просто поездка – сейчас полноценный переезд. Постоянные сомнения: подойдёт ли мне жизнь в большом городе? Люди оттуда представлялись мне серьёзными, суровыми и любящими выпендриваться дорогими покупками. Я была не такой. Я никогда не гналась за брендами и не была стервой. Даже сейчас я шла с наивной улыбкой, размахивая пакетом с верой в добро и, кажется, в розовых пони. В этот беззаботный момент я еще не знала, что в новом месте меня могут поджидать разочарования.

Тревожность в последние дни достигала высочайшего уровня, хотя я была уверена, что все мои эмоции истрачены.

Эвелин, как я скучаю по тебе. Мы бы сейчас гуляли в обнимку и мечтали о том, сколько прекрасного ты мне покажешь в Пенбруке и сколько ресторанов мы обойдём в поисках вкусной еды.

Когда до дома оставалось меньше километра, а воспоминания, вызывающие тоску, закончили транслироваться в голове, из-за деревьев начало просматриваться знакомое двухэтажное строение с зелёным фасадом и деревянной резной изгородью вокруг, украшенной кустами распустившегося шиповника. Растение издавало дивный аромат, который сразу же так знакомо ударил в мой нос. Это был дом Лу. Я остановилась возле каменной дорожки, ведущей к входной двери. Одолевали сомнения. Войти или не войти?

В окне я увидела миссис Пэрис, которая возилась с пакетами продуктов на кухне и явно что-то готовила. Видимо, у них тоже намечался ужин. С облегчением вздохнув, я решила, что не буду никого беспокоить, а просто уеду из Вэствиля по-английски, то есть не попрощавшись. Да и после происшествия в нашей семье мы с Лу общались лишь раза два за всё это время, обида еще и за это всё еще жила где-то внутри меня. Только я развернулась, собравшись уходить, как знакомый голос окликнул меня сзади, вызывая неприятные мурашки по всему телу. Это была Лу. Она как раз вышла из дома, чтобы забрать посылку из почтового ящика, стоявшего прямо возле меня.

Чёрт.

Повернувшись в её сторону, я заметила как всегда аккуратно уложенные волосы цвета кофе и нейтральный макияж, который не отвлекал от её карих глаз и острых, как лезвие, скул. Её черты лица были немного грубыми, но по-своему интересными, чем привлекали внимание противоположного пола. Цветочное летнее платье лишь подчёркивало милый и невинный образ. Но такая ли она была на самом деле? Её обратную сторону, казалось, видела и знала только я.

Я натянула фальшивую улыбку, которая всегда украшала моё лицо при виде тех, кого видеть совсем не хотелось, и радостно поздоровалась, ступив в её сторону, шурша пакетом с десертами...

– Лу! Давно тебя не было видно, думала заглянуть к вам. Мы завтра с родителями уезжаем в Пенбрук.

Она осмотрела меня с ног до головы, скептически отнесся к моим словам, и только потом ответила...

– Да, я знаю о вашем переезде, – улыбнулась она и увела руки за спину. Это выглядело так, будто она стояла на приёме у президента. Хотя важность моей персоны была не меньше.

– Кто тебе рассказал? – удивилась я, ведь мы давно не общались.

Хотя, тут совершенно любой мог об этом сказать, город-то совсем маленький. Где-то за углом при выходе из магазина ты пукнул, а через пять минут об этом знали уже на другом конце улицы во всех подробностях и даже какого запаха бы-

ли твои газы.

Она отвела взгляд и после небольшой паузы немного виновато пробормотала (или же мне хотелось думать, что виновато):

– Миссис Роуз рассказала пару месяцев назад, когда я забегала к ней, – улыбка сразу стёрлась с её лица.

В глубине души меня задела её слова. Да, мы мало общались эти месяцы, но ведь всё же в школьные годы среди девочек с ней я проводила больше всего времени, и неужели нельзя было уделить мне хоть немного внимания.

– Ты знала так давно, но не зашла, не позвонила? – мои связки напряглись и сделали голос более наседающим, а старая обида на неё усиливала эмоции, добавив и закрепив еще порцию «снега» на этом снежном коме обиды.

– Ну, а что ты хотела? – она пожала плечами, – думала, что я с объятиями сразу побегу к тебе плакаться о том, как мне будет тебя не хватать? Мы практически не общались последние месяцев семь. Ты мне сама не звонила, ну, и я не стала навязываться.

– Восемь, – раздражённо прошептала я.

– Что? – переспросила Лу, закатывая глаза, как бы дав понять мне, что ей уже хочется закончить наш диалог и пойти домой.

– Месяцев, – дополнила я, поджав губы, – восемь месяцев, – я еле сдерживалась, чтобы не повысить голос, – ты знала, как сильно мне нужна была поддержка всё это время,

но снова оставила меня, будто мы были друг другу никто.

Она издевательски усмехнулась.

– С чего это тебе нужна была поддержка, и почему именно я должна была это делать?

– С чего? Да моя сестра умерла. Или ты вдруг забыла? – на глазах навернулись слезы, я обхватила себя обеими руками, еле удерживая пакет, – ты бросила меня одну наедине со всей болью и обидой, оставила в полном одиночестве, в то время как я в тебе нуждалась. Нуждалась даже после того, как ты со мной поступила. Но ты ушла. Снова.

Лу выглядела так, будто ей было абсолютно безразлично всё, что я сейчас говорила, и стояла в расслабленной позе, то и дело поправляя свои ухоженные локоны. Мы обменялись многозначительными взглядами, и я поняла, что после сказанных мною слов в ней не отозвалось совершенно ни-че-го. Она отвернулась, посмотрела куда-то отстранённо и вскоре продолжила, разводя руками перед собой.

– Знаешь, мне было всё равно, что у тебя случилось. Я терпеть не могла твою сестру. Все парни, которые мне нравились, всегда вешались на неё. Такая прекрасная Эвелин, красавица и умница. Да вот только я знала, кто она на самом деле, – у меня всё сжалось оттого, как резко она повысила голос, – настоящая лицемерная тварь, которая заслужила то, что с ней произошло!

Её пухлые губы сложились в омерзительную ухмылку. Я опешила и невольно потрясла головой в знак отрицания.

Мой кулак произвольно сжался до хруста костяшек, и самым манящим местом для него было женское лицо, которое явно напрашивалось познать силу моего кулака. Это было неприятным откровением от той, которая в принципе никогда и не отличалась добротой и состраданием.

– Тебя удивило, что я так о ней отзываюсь? – бросила Луиза своим «грязным» ртом, – я всегда её недолюбливала. Она нравилась всем, строила из себя милую девчонку, но сама никогда такой не была! Мой любимый Пирс из старшего класса бросил меня ради того, чтобы бегать за твоей сестрой, она покрутила им и бросила. Я рада, что она сдохла.

– Как ты можешь такое говорить мне? – я возмутилась от её слов, а отвиснувшуюся челюсть можно было подбирать в четыре руки. Мне так хотелось вырвать ей волосы или размазать пирожное из пакета по лицу, но нежелание устраивать здесь драку пересилило злобный порыв, хотя сестра на моём месте точно бы не сдержалась, ведь никто не мог говорить плохо о нас.

– Ты всегда была в тени своей сестры. Неужели ты этому не рада? Дурочкой была, дурочкой и осталась.

Какая гнусность! Луиза молча смотрела на меня в ожидании ответа. Но что я могла сказать? На эмоциях я могла наговорить много гадостей, и тогда я была бы ничуть не лучше этой расфуфыренной гадюки. Я решила, что не обязана распыляться перед ней. Тихо выдохнув, я на секунду прикрыла глаза и постаралась успокоить себя. Совладав с эмоциями,

я вернула взгляд на Лу, ответив с абсолютно нейтральным лицом, которое её взбесило:

– Знаешь, хоть ты никогда не отличалась добротой, я желаю тебе всего наилучшего. Надеюсь, ты возьмёшь себя в руки, съедешь от родителей, добьёшься чего-то сама и перестанешь испускать свою желчь на других. Всего хорошего.

Не желая выслушивать её ответ, я уверенно развернулась в сторону дома и оставила её с таким искривлённым лицом, что она наверняка придумывала не менее гнусный ответ.

Больше мне здесь нечего делать, я шла напрямиком к себе, боясь обернуться и ни на что не отвлекаясь. Ноги мои неслись с каждым шагом всё более решительно, прохожие недоумённо косились в мою сторону из-за этой агрессивной спешки. Мне посчастливилось, что я больше нигде не задержалась. Мама позвонила и сказала, что она уже накрывает на стол, и мне пришлось поторопиться.

Дома я передала покупку маме, оставив пакет на кухне, и пронеслась в свою комнату вверх по лестнице. Я бросила сумку на кресло рядом с кроватью, оставалось только поставить телефон на зарядку и можно было бы, наконец, спустаться на ужин. Я безумно проголодалась, и урчание в животе заполонило комнату. Из-за того, что весь день я потратила на сбор вещей, чтобы на завтра оставить только мелкие дела, я не успела даже пообедать.

Я с трудом оставила весь негатив в своей комнате и с фальшивой улыбкой спустилась к родителям на ужин. Не нужно было их тревожить. Как только папа увидел десерты, открыв пакет, его улыбка сразу натянулась до ушей.

– Доча, ну, ты точно знаешь, как меня порадовать! – сказал он и чуть ли не вприпрыжку отошёл ставить чайник греться.

– Нам сейчас необходима небольшая порция счастья, – кивнула я, садясь за стол.

Они с мамой увлечённо о чем-то разговаривали весь вечер, я же ужинала молча, погрузившись в свои мысли, изредка отвечая простыми «да» и «нет» на вопросы родителей. Мысленно я была не с ними и смотрела только в тарелку, вяло ковыряя в еде вилкой.

Слова Лу сидели в моей голове. «Лицемерная тварь». Как она могла так сказать? Эвелин была таким человеком, который без малейшего сомнения придёт на помощь в любое время суток. Человеком, который отдаст последний цент из своего кошелька, и который способен надрать зад любому, кто обидит её родных и близких. А вот эта дрянь сама была не без греха.

Я поблагодарила маму за ужин и со спокойной совестью и чувством выполненного долга на сегодня поковыляла по

лестнице в свою берлогу. От усталости это расстояние от кухни до комнаты показалось мне вечностью. Перед тем, как уйти в ванну, чтобы смыть с лица косметику вместе с усталостью этого дня, я скинула всю одежду на кресло и надела любимую растянутую чёрную футболку до колен. Встав у раковины, опёрлась на неё руками с обеих сторон и осмотрела своё изнурённое лицо через заляпанное зеркало.

М-да, без слёз не взглянешь. От изящно нарисованных утром стрелок не осталось и следа, коричневые тени практически полностью забились в складки век и напоминали грязь, а про тональный крем я вообще молчу. Всё-таки в теплую погоду стоит краситься полегче. Будь у меня карие глаза, я бы не стала сейчас использовать ни тушь, ни тени, но серые всё-таки в этом нуждаются, если хочешь сделать взгляд глубоким и выразительным. Перебрав бутылочки с многоступенчатыми уходовыми средствами, я задалась извечным вопросом, вот почему парням не нужно ничего этого делать? Они могут просто завалиться спать, не думая о своей коже. Кто-то, конечно, тоже пользовался гелями и кремами, но хотя бы макияж им смывать не требовалось.

Погасив свет, я с разбега плюхнулась животом на кровать, раскинув руки и ноги. Я схватила подушку, пододвинув к себе поближе, и громко, со звуком мычащего маньяка, простонала в неё, передав ей все накопленные за последние дни эмоции. Моё тело свернулось калачиком и не могло уснуть, постоянно ворочаясь. Совсем скоро моя жизнь изменится, и

я прокручивала в голове первые дни после приезда снова и снова. Меня впервые охватывал такой мандраж.

Я не знала, как меня примут одноклассники, смогу ли влиться в их атмосферу. Я никогда не была аутсайдером, легко могла завести разговор, но волнение всё равно окутывало сверху донизу. Новое место и люди – это всегда тревожит. Еще и неопределенность насчёт жилья. Трудно решить, заселиться в общежитие или остаться в новом доме. В общежитии меня могут ждать шальные студенческие дни, ведь то и дело слышу дурацкие истории от тех, кто там проживает. Тихий смешок полетел в подушку от воспоминаний о них.

У Тони, друга Эвелин, как-то раз на этаже прорвало трубы в туалете. Это произошло глубокой ночью, и поэтому происшествие было замечено не сразу, а лишь спустя пару часов. Студенты очухались, только когда запах канализации прошёлся по всем комнатам, а коридоры по щиколотку плавали в фекалиях. Смешно и невыносимо мерзко одновременно. Отмывать пришлось всей общагой, а запах держался еще около двух месяцев.

Или вспомнить ту же Кристен, мою бывшую одноклассницу. После школы она уехала в колледж в Сан-Моне, при котором находилось женское общежитие. Там в принципе обучались только девушки, парней не было, водить их к себе запрещалось, но девчонки всегда находили способы это сделать.

И вот однажды парень Кристен, Уолтер, – довольно щуп-

лый молодой человек, о тренажёрном зале знавший только из рассказов друзей и знакомых, решил забраться к ней через окно. Он подставил лестницу и по карнизу намеревался добраться дальше. Всего нужно было преодолеть метров пять вверх, а потом еще около полутора метров вправо, чтобы добраться до окна Кристен. Делать это вскоре после проливного дождя было совершенно неудачной идеей, поэтому только лишь он поднялся по лестнице и зацепился ногой о выступающий кирпич, лестница со скрежетом повалилась вниз. Бедняга Уолтер еще пару минут пытался держаться, но вскоре кубарем навернулся прямо в кусты, сломав себе копчик. Так он пролежал почти пять часов, поскольку изнутри его, похоже, никто не услышал. Саму Кристен он не предупредил заранее, а после падения первое время Уолтер не мог и слова произнести. Месяц или два ему пришлось восстанавливаться в больнице.

Хоть мне и не очень хочется подобных печальных историй, я всё же больше склонялась к общежитию. Самое важное и главное было то, что мне удалось найти университет. И вот после обмусоливания всех этих мыслей я, наконец, смогла уснуть.

В раннюю рань я услышала шорох за дверью. Это папа поднимался ко мне в комнату,.

– Э-э-э-э-эн! – бодро крикнул он, шумно стуча ботинками по ступенькам.

Я еле разлепила сонные глаза, потёрла их руками и, прислушавшись, убедилась в том, что меня действительно кто-то звал. Не могу сказать, что обрадовалась. Раздался короткий стук в дверь.

– Я войду? – вежливо спросил отец. Он редко когда заходил ко мне в комнату и, должно быть, чувствует себя здесь совсем чужим.

– Да, разумеется, – зевая, я привстала, встав на локти, и направила взгляд в сторону дверного проёма в ожидании, пока папа зайдёт.

Дверь открылась, и я увидела, что он принёс мне кружку с чем-то вкусным и дымящимся, а на блюде рядом лежало несколько кусочков овсяного печенья, которое я всегда ем по утрам.

– Просыпайся, соня, – он сел с краю дивана, – я принес тебе завтрак. Какао будешь?

Идеально выглаженная белая рубашка, брюки с ровной стрелкой посередине. Папа всегда просыпался очень рано, чтобы хорошо одеться и уложить свою густую копну тёмных

волос. Обычно в шесть часов утра он уже на ногах.

– Спасибо, конечно, – сказала я с прищуренным глазом, – но будить-то зачем? Я поздно заснула и думала поспать часов до десяти минимум.

– А, да просто вспомнил, как радовалась завтракам в постель твоя сестра, и решил, что тебе тоже понравилось бы. Все-таки последний день мы все здесь, в нашем родном доме, надо завершить на хорошей ноте, – сказал папа, немного неловко похлопав меня по плечу в надежде сгладить утреннее возмущение своей дочери.

Интересно... А что же, если бы не Эвелин, он бы не захотел сделать то же самое для меня? Младшенькая, нелюбимая дочка может обойтись и без родительской ласки. Неприятное ощущение того, что я лишняя в этом доме и лишняя в своей же семье. Это гнетущее чувство возникло много лет назад, периодически возвращаясь вновь.

Я поблагодарила отца, и он отправился с мамой за продуктами в дорогу. У меня же было несколько часов на сборы. Вскоре все мои вещи уже были упакованы и лежали в коробках в грузовике, который отец заказал для их транспортировки до Пенбрука, а мы втроём собрались за столом, чтобы пообедать.

– Скотт, а ты уже заправил машину? – поинтересовалась мама, нарезая нам свежий хлеб от миссис Роуз.

С грузовиком мы отправили большую часть наших вещей, а сами поедем на семейной легковушке.

– Топлива в баке хватит километров на триста, может, чуть больше. Остановимся по пути. Сколько там? Чуть больше тысячи километров? Нормально. – ответил папа выглядывая из-за огромной утренней газеты.

До Пенбрука придётся ехать около тринадцати часов по лесной и местами пустынной дороге, но это при условии хорошей погоды. Я с нетерпением предвкушала еду в придорожных забегаловках, которые нам встретятся. Там она всегда вкуснее, чем в городе.

– Пап, а мы будем останавливаться в отеле пока едем? – спросила я, цепляя из тарелки листья салата с маминого огорода.

– Ночью ехать не будем, поэтому переждём ночь где-нибудь в отеле.

– Главное найти приличный, – поморщившись, добавила мама. Чистота и опрятность у нее всегда были на первом месте. Абы где она спать не станет, её гордость и самомнение не позволят спать в простом, житейском логове.

Затем отец встал, поцеловал маму в щёку и направился в гараж проверять шины и наличие запаски на всякий случай, а я принялась мыть посуду. За окном бегали соседские детишки, кто-то катался на самокатах. Воспоминания многолетней давности и детства вновь всплыли в голове. Мы с Эвелин постоянно ребячились и дрались за последнюю дольку шоколадки во время прогулок. Повзрослев, мы, конечно, уже не дрались, но часто ругались из-за того, что я утаски-

вала её украшения, чтобы похвастаться красивой безделушкой перед Лу.

Меня вдруг осенило, и я отпрянула от мойки, застыв на пару секунд.

– Боже! Украшения! – взвизгнула я и рванула в свою комнату.

Впопыхах я поднялась по лестнице и ворвалась к себе, чтобы достать из тумбочки важную вещь. Я совсем забыла про неё... настолько эта вещь была небольшой, что забилась практически к стенке.

Когда год назад Эвелин приезжала домой, она в очередной раз поссорилась со своим психованным парнем и после телефонного разговора с ним швырнула в мусорку их парный браслет. Мне было жалко эту плетёную лавандовую безделушку, и в итоге незаметно выудила её и спрятала к себе в тумбочку. Эвелин её купила во время поездки в Тайланд для учебной практики в Бангкокском университете, в который сестру направили трудиться лаборантом как лучшую студентку в группе. Её знания в химии всегда поражали меня и оказались полезными в разборе состава косметики, когда мы сидели и ковырялись в баночках, сидя на ковре в её комнате. С тех пор я знаю, что нужно покупать, а чего лучше оставить на полке магазина.

Я легла поперёк кровати и перевернулась на спину, с интересом вертя в руках её браслет. Эвелин всегда любила лавандовый оттенок, да и мне он кажется интересным. Сим-

патичная вещица... Интересно, где сейчас второй браслет? Лежит у той сволочи или же давно выкинут, доживая свои сотни лет на городской свалке?

При мыслях об Эвелин и её парне в голове непроизвольно пронеслись сестринские всхлипывания в телефонную трубку, а картинка в глазах размывалась от слезинок. Практически каждый вечер моё сердце разрывалось на миллион кусочков от жутких рассказов. Жаль, что мы жили на расстоянии, и меня не было рядом, дабы поддержать её, тепло обнять и сказать Эвелин о том, какой она прекрасный человек и заслуживает всё счастье этого мира. Может быть, тогда не случилось бы то, что случилось.

Сестра всегда твердила, что, приключись с ней что-либо, то это наверняка дело рук её парня. Однако же, полицейское заключение не подтвердило насильственную смерть. Нисколько не удивлюсь, если представители закона закинули папку с делом моей сестры на верхнюю полку в кучу к остальным.

Я нещадно и с нажимом потёрла глаза, чтобы отогнать с них вновь подступившие слёзы. Порой человеческая скорбь прекращается спустя несколько месяцев, но потеря нашей семьи останется моей болью навсегда. Теряя единственную родную душу и человека, которому единственному из всей родни и друзей на тебя не плевать, частичка самого себя откалывается и теряется где-то за пределами обыденной жизни. Сколько раз одноклассники обвиняли меня в излишнем

страдании... Ну, конечно, откуда им знать, каково мне жилось это время. Самой большой заботой у этих ребят было решение о выборе места для вечеринок.

Эвелин никогда не называла имя своего молодого человека. Просто говорила «мой парень» или «мой мужчина». Видимо она не хотела, чтобы мы его искали в социальных сетях. Нас с ней серьёзно контролировали, и маме жизненно необходимо знать всё на свете, поэтому Эвелин не любила делиться подробностями личной жизни, а мне было противно от одной мысли об этом человеке, что я даже слышать о его личности хотела как можно меньше. Столько боли он причинил ей... А ведь со слов сестры этот человек был истинным джентльменом, примером в обществе. Мне не удалось ни разу его увидеть. Случись это, я бы добивалась признания до конца его дней. Или же своих.

Сестра встретила своего мужчину на первом курсе университета, а спустя несколько месяцев отношений уже зародились страшные ссоры. Эвелин рыдала, звонила, рассказывая мне не самые приятные вещи. Подруги в её окружении надолго не задерживались, вечно резко обрывали свои контакты с сестрой, а потому её поддержкой была лишь я. Так же, как она у меня. Дома в упакованных коробках с вещами для переезда лежал её личный дневник, хранящий в себе небольшое количество заметок о тайнах, спрятанных от родительской заботы.

А что касается браслета... Я закинула его в свой спортив-

ный рюкзак, ведь там он будет в сохранности, и частичка Эвелин всегда будет со мной. Кинув рюкзак на кресло, я посмотрелась в зеркало, висящее напротив меня: помятое лицо и грустная улыбка были моей визитной карточкой в последние месяцы.

До отъезда оставались считанные минуты. Мама уже сидела внизу в заведённой машине и слушала новости по местному радио, папа укладывал пакеты с продуктами в багажник. В то время как во мне бурлили тоска и тревога, по поведению и эмоциям родителей не понятно, волнуются ли они хотя бы чуточку. Будут ли они скучать по нашему родному дому, и не выбивает их из колеи тот факт, что с Пенбруком нас связывают не самые приятные факты семейной истории?

Я в это время блуждала по дому, с печалью осматривая каждый его уголок на прощание и ступая по едва скрипучему деревянному полу. Мы уже отключили электричество, поэтому из освещения в комнатах было только жаркое летнее солнце, выглядывающее из окон и озаряющее своим светом внутреннее пространство. В доме жара стояла такая же, как и на улице, ведь, несмотря на то, что сейчас был уже вечер, солнце отдавало своё тепло на максимум. Даже мне в майке и шортах из лёгкого хлопка было тяжело. Насколько я знаю, в Пенбруке с погодой немного легче, что не может не радовать, ведь прохладу я переносу лучше.

– Дорогая, ну ты где там? – прокричала мама с улицы.

– Сейчас, погодите пару минут, мне нужно кое-что сделать! – выглянув в окно, я крикнула ей в ответ и продолжила свою прощальную прогулку.

Я оттягивала момент, вдыхала родной запах, которым пыталась на максимум заполнить свои лёгкие. Так, чтобы хватило до самого Пенбрука, а, выдохнув, оставить частичку родного города там. Возле каждой комнаты в памяти всплывали кадры из прошлого: как в гостиной в детстве мы с папой рисовали вместе красками, сидя на полу, как в коридоре я бегала от Эвелин, пока та пыталась кинуть в мою пятую точку тапком за испорченный лак для ногтей, как на кухне мама пекла со мной и сестрой печенье, стараясь научить меня аккуратно вырезать фигурки из теста.

Вокруг пахло папиным парфюмом, которым пропитался угол гостиной, старой бумагой от многолетней коллекции книг, берущей начало еще с бабушкиной юности, и земляным запахом горшочных растений. Все эти ароматы навсегда запечатались в этих стенах, в этой мебели и в этом воздухе. Моя душа была прикована к семейному дому, а сердце молило не уезжать, но, тем не менее, решение о переезде мы приняли единогласно. Хотя едва ли меня кто-то послушал бы, будь я более настойчивой в выражении личного мнения...

Закончив свою прогулку, я медленно, как бы всё еще колеблясь, переступила порог дома и еще раз обернулась, киванием головы попрощавшись с этим местом, и двинулась в сторону машины, где меня ждали родители.

Я открыла нагретую от солнца пассажирскую дверь и снова затормозила на пару секунд, обвела взглядом всё вокруг,

чтобы запечатлеть эту картинку у себя в голове. Привычные глазу соседские дома, голубое и ясное небо, в котором каждое облачко было родное, до боли знакомые лица на улице, занимающиеся обыденными делами: кто-то выгуливал собаку, кто-то стриг газон в попытках сделать себе идеальный двор или шёл с кучей пакетов из магазина, еле волоча покупки. У этих людей жизнь продолжалась здесь и будет дальше идти своим чередом. Для них наш отъезд не значит ровным счётом ничего, тогда как для меня это выбор, с ног на голову переворачивающий жизнь.

– Господи, благослови, – услышала я папины слова, сев в машину.

– Господи, благослови, – подхватили мы с мамой, и все пристегнули свои ремни безопасности.

После этих слов машина, наконец, тронулась, и до меня окончательно дошло осознание того, что мы уже едем, и вот-вот начнется новая глава нашей жизни.

Я удобно обустроилась и развалилась на задних сиденьях в окружении своего рюкзака и сумки-холодильника. Выехав за черту города, в течение следующих часов за окнами виднелись то зеленый, дикий лес, то пустынные поля, напоминающие места из телевизионных триллеров. Я периодически вклинивалась в родительские беседы, чтобы разбавить болтовнёй время в дороге, проведённое в наушниках. Уже было около десяти часов вечера, поэтому мой вопрос был весьма актуален:

– Когда начнём искать ночлег? – спросила я, возникнув между передними креслами.

– Кхм. Думаю, через час можно присматриваться к отелям, которые начнут попадаться по дороге, – решил отец, сосредоточенный на дороге и не спускающий с неё глаз.

– Скотт, еще ведь рано. Ты часа четыре точно сможешь ехать, иначе такими темпами путь затянется на трое суток, – пробурчала мама.

Она всегда так пеклась о папе, и эти слова меня неприятно удивили. Ей важнее приехать целыми и невредимыми или примчаться быстрее? Отец сидел с сухими, красными от жары и усталости глазами, с напряжённой и затёкшей шеей, не желая лишний раз отдохнуть во избежание потери времени. Руки напряжены и вцепились в руль так, что испарись сейчас машина, папа остался бы в той же позе.

– Мам, вообще-то уставший водитель хуже пьяного. Ты посмотри на папу.

– Мэри, вообще-то сейчас я согласен с Эв... Энн, – тем же тоном спародировал меня он, а мелкую оговорку никто не заметил. Кроме меня.

Мама не ответила и молча пожала плечами. Она старалась избегать семейных перепалок, а потому старалась контролировать свои слова. Я откинулась назад на мягкую спинку сиденья, прикрыв глаза, поскольку меня уже успело укачать. Мы ехали в непонятной глуши, и вдвоём с мамой высматривали в окнах попутные отели или гостиницы, пока папа

наблюдал за дорогой. Искали хотя бы что-то приличное, но даже неприличного не наблюдалось. На горизонте не виднелось абсолютно ни-че-го. Такое чувство, что мы попали в замкнутый круг и застряли в каком-то промежутке дороги, который не позволял выехать за его пределы, сделав нас своими пленниками, вечно скитающимися в поисках ночлега. Прямо как в ужастиках.

– Я уже закипаю от этих гляделок с дорогой, – разражалась мама, ёрзая на сидении. На этот раз я не могла не согласиться с ней.

Наконец-то где-то в ста метрах от нас сквозь высокие, но редкие деревья мелькнули слабые и переливающиеся разными цветами огни. Мы увидели старых лет здание, блёкло напоминающее мотель.

– Па-а-а-п! Сворачивай, – воскликнула я, тыча пальцем направо в сторону строения.

Мы потихоньку приближались к территории и сразу увидели небольшое коричневое, каменное двухэтажное здание, выстроенное буквой «П», с небольшим двориком, в котором располагались места для пикника. Как только машина заехала на парковку, автомобиль задребезжал, и под колёсами послышался стук мелких камней от засыпанной гравием дороги. Густой пыльный туман образовался прямо вокруг нас. Вскоре вид вокруг стал яснее, и я заметила лишь два легкового автомобиля помимо нашего, что явно не являлось показателем популярности сего места. Можно ли тут остановить-

ся? В то же время малое количество людей радовало, у меня не было ни малейшего желания толпиться среди посетителей.

– «Пустынный оазис», как оригина-а-ально, – протянула мама, вылезая из машины и ткнув в сторону вывески.

– Ты бы назвала лучше? – ответил папа, и она закатила глаза. Тем самым он отсёк дальнейшие мамины упрёки касательно будущего ночлега. Она вновь не хотела спорить, а потому смиренно смолчала.

Пока родители копошились в багажнике, я в полутемноте и в сопровождении попеременно мигающих уличных фонарей накинула на плечо рюкзак и побрела по территории. Казалось, с чего бы мне идти в одиночку в темноте в сторону абсолютно неизвестного мне места, где велика вероятность нахождения людей сомнительного типа? Вот и я не знаю. Несмотря «уставший» и старый вид вокруг, территория оказалась довольно ухоженной, и лишь слепой бы не заметил, что за ней старались следить: на земле не валялось ни единого мусора, а вдоль дорожек росли цветущие, пушистые растения бледно-оранжевого и жёлтого цветов. Такие растения не растут в дикой природе, их точно высаживали здесь специально.

— Пусть это и не отель, а мы находимся Бог знает на каком отшибе вселенной, – шептала вслух я, оглядываясь вокруг, – едва ли это можно назвать сараем.

На улице влажно, безветренно и совершенно тихо. Лишь

какие-то насекомые слышны среди кустов, но это меня никак не пугало, ведь я стойкий солдат и смогу выдержать атаку этих маленьких существ. Главное, чтобы они действительно были маленькие. Я побрела дальше, стараясь разглядеть активность в окнах, но света в них не было, поэтому мои попытки были тщетны, а родителей я всё ещё не наблюдала.

На лбу образовалась испарина, а майка на спине неприятно липла к коже, я мечтала о прохладном и освежающем душе. Наконец-то спустя пару минут скитаний вокруг здания я увидела несколько мужчин средних лет, которые сидели на пластиковых стульях возле входа в сам мотель. Они пили нечто, по бутылке напоминающее пиво, и громко хохотали, увлечённо разговаривая друг с другом, периодически хлопая друг друга по плечу.

Как только меня заметили, один мужчина отдал свою бутылочку собеседнику и встал, двигаясь в мою сторону. Он встречал меня доброй улыбкой, видимой сквозь его густую, тёмно-рыжую бороду.

— Должно быть, вы работаете здесь? — обратилась я.

На меня дружелюбно глядел слегка полный мужчина среднего роста и лет сорока. Его джинсовая жилетка поверх жёлтой майки немного испачкана, но стиль работника гармонировал с мотелем, словно был частью здешнего интерьера и атмосферы. Русые, едва золотистые и чуть взлохмаченные волосы выбивались из-под кепки, которая выдавала свой приличный срок службы этому мужчине. Как только я подо-

шла к нему, тот поспешно вытер руку о шорты и протянул её мне в знак приветствия.

– Привет! Я Альфред, хозяин этого прекрасного мотеля, – представился он и гордо окинул взглядом свои владения.

– Добрый вечер. Энн. Рада познакомиться, – я пожала ему руку в ответ, – мы с родителями искали место для ночёвки и вот наткнулись на вас. Найдутся ли свободные комнаты?

— Ну разумеется! Проходи скорее. А родители-то твои где? У нас тут славненько, но вот в других местах лучше не броди одна...

Альфред выглядел в хорошем смысле простым, гостеприимным хозяином, отчего первое моё впечатление о нём сложилось приятное, несмотря на обшарпанность мотеля. Пока Альфред рассказывал мне о том, какое вкусное припасено у них в холодильнике пиво, и что я могу в любой момент угоститься вместе с ним, послышались голоса родителей. Они увидели компанию, среди которой я оказалась, и у мамы промелькнула неприязнь в глазах, приоткрывшихся шире обычного. Она явно не привыкла к такому обществу, а мне было всё равно. Главное, чтобы это были хорошие люди, да а и какая разница, если утром нас здесь уже не будет?

– Здравствуйте, мы с семьёй хотим здесь остановиться на одну ночь, – начал папа, подойдя к нам с сумками, – это возможно?

Альфред вновь представился и пожал папе руку в знак приветствия, соблюдая вежливость. Мама же стояла в сто-

роне, копаясь в сумке и ни слова не сказав Альфреду. Мужчина проводил нас внутрь, и мы с вещами прошли за ним. Внутри стоя застоялый запах чего-то старого вперемешку с чесночными сухариками и чипсами. Я думаю, они постоянно в обиходе ввиду обильного употребления здесь пивных напитков.

Хозяин мотеля встал за тёмную деревянную стойку, а позади него на стене висели подписанные номерами комнат ячейки с ключами. Альфред достал блокнот, чтобы вписать наши имена и номер телефона отца. Оказалось, у Альфреда не было ни компьютера, ни ноутбука, он всё записывал вручную, и данные на посетителей у него хранились в тетради с улыбающимся терминатором на обложке.

– У Вас всё хранится на бумаге? – с сомнением спросил отец, облокотившись на стойку. Он неодобрительно поглядывал в блокнот.

Альфред немного замешкался, но ответил, чиркая ручкой по листу бумаги:

– Да. У меня нет гаджетов помимо мобильного телефона. И тот с кнопками. Не привык, да и не особо разбираюсь в технике. Я человек простой, не слишком уж и современный в плане владения новыми технологиями, – он отчасти понимал папино недоумение, но сам не видел в этом ничего зазорного или постыдного.

Папа не остался доволен подобным ответом и скептически хмыкнул, но, тем не менее, он достал из кармана кошелёк,

чтобы расплатиться. Наверняка у него было что сказать ещё, но усталость и желание уснуть имели бóльший приоритет в данный момент.

– С вас сто двадцать долларов. Желательно, наличкой, терминала у меня не водится, – Альфред уже был готов услышать новую порцию возмущений от папы, но их не последовало, – вот ключи от 56-й для Вас с супругой, а милой леди я вверяю ключи от самого лучшего номера в моём дворце, – подмигнув мне, обратился он. В этом жесте не было никаких неприличных намёков, лишь желание подбодрить, ведь сейчас я стояла с кислой миной.

– Вы, наверно, дали ей комнату по соседству с собой, да? – вклинилась мама, сверля его взглядом, и её голос был лишён доброжелательности. С чужими людьми она более остра на язык, порой и не думает, что может обидеть или разжечь конфликт.

Мы с папой и Альфредом переглянулись в недоумении от её вопроса, и мужчина лишь отшутился на этот счёт, стараясь умерить совсем неуместный мамин пыл.

– Ну дела... Слишком уж быстро вы меня раскрыли!

Мама от неприязни поджала губы, а отец взглядом попросил её утихомириться. Он расплатился наличными, и Альфред пояснил родителям, куда именно следует идти до их комнаты. Следом он окликнул меня и сказал, что моя комната находится на первом этаже, поэтому я выудила у папы рюкзак и потопала в свой номер. Мама подозрительно на ме-

ня посмотрела напоследок, но ничего не сказала и хвостиком пошла вслед за отцом, дёргая его за локоть, принявшись бурчать ему что-то. Мы лишь пожелали друг другу спокойной ночи и разделились по своим берлогам.

— Твоя комната действительно недалеко от меня, но это исключительно в целях безопасности, – пояснил мне владелец и отдал ключ.

Пока я шла, то вертела в руке ключ от комнаты. На колечке рядом с ним висел обмотанный скотчем маленький деревянный прямоугольник, на котором маркером был написан номер – 23. Забавно, что мне достался такой номер, ведь я родилась 23-го числа месяца. Это должно быть хорошим знаком.

Комнату оказалось несложно найти, моя дверь располагалась метрах в двадцати от стойки Альфреда. Я открыла скрипучую дверь и увидела небольшое помещение, но, однако, оно со своим туалетом и душем. Внутри располагалась одностая, светлая кровать, заправленная тёмно-бордовым и слегка колючим на вид пледом, небольшой телевизор и пара невысоких шкафов. Кинув рюкзак рядом с кроватью, я плюхнулась на неё лицом вниз, свесив ноги, чтобы немного полежать овром перед душем. Мягкий матрас, не сбившаяся в противные комочки подушка – Альфред действительно заботился о комфорте гостей. Порой чем проще люди, тем они более душевные.

После прохладного душа я почувствовала свежесть и же-

ление жить дальше. Влажность в воздухе ушла, и волосы быстро высохли из-за жаркой погоды. Я перекусила фруктовым батончиком, который завалился в рюкзаке, и поняла, что спать совершенно не хотелось, а телевизор показывал лишь пару каналов с новостями.

— Так дело не пойдёт, – сказала я себе.

В комнате назойливо жужала муха, а за окном до сих пор слышались разговоры Альфреда с приятелями. Захотелось прогуляться, осмотреться, что я и сделала, выйдя к ним в пижамных длинных шортах и футболке. Это было так же смело, как и идти в одиночку в незнакомое место, но отчего-то насчёт Альфреда у меня было доброе чувство.

Как только я оказалась снаружи, тело покрылось мурашками из-за сочетания свежести после душа и вечернего прохладного воздуха. Хозяйина мотеля я нашла на том же месте, где он был в момент нашего приезда. Он стоял уже без пивной бутылочки, но так же громко хохоча. Неужели он уже выпил свою дневную норму пива, или просто его запасы закончились? Его голос был такой бархатный, такой комфортный для слуха, что казалось, будто он обволакивал тебя своей теплотой. Я скромничала, но подошла ближе, и он заметил меня, отрываясь от своей компании:

– Ну дела, какие люди! – Альфред бодро направился ко мне, слегка подпрыгивающей походкой. Волосы его пружинились под такт шагам.

– Да, после душа сон как рукой сняло, решила к Вам вый-

ти, поболтать. Если Вы не против, конечно, — я смутилась, но таила в себе надежду на гостеприимство хозяина мотеля.

Альфред рад моей компании, и по его отношению видно, что общение с людьми приносит ему большое удовольствие. Он представил меня своим приятелям, стоявшим рядом.

— Это Дональд, мой напарник по бизнесу. Мы с ним дружим с пятнадцати лет, — он показал на полного смуглого мужчину примерного того же возраста, что и сам Альфред, и тот молча, но с улыбкой медленно кивнул мне в знак приветствия.

Альфред следом перевёл взгляд на низкорослого и немного хмурого мужчину, который смотрел на нас исподлобья, прислонившись к стене. Его окружности были такие же выпуклые, как и у остальных.

— Это Билли. Он помогает нам с ведением бумажных и денежных заморочек. Остальные ребята уже разбрелись по комнатам.

— Некоторым надо было поменьше заглядывать в наш пивной холодильник! — посмеялся Дональд.

Билли же равнодушно посмотрел на нас, но с какой-то глубокой тоской в глазах.

— Приветствую, — сказал тот, лишь одной интонацией поставив точку и пресекая дальнейший диалог. Его голос звучал ровно и сдержанно, а во рту переминалась мятая и влажная от слюней деревянная зубочистка.

Открыв крышку, Альфред вручил мне ледяную руку

стеклянную бутылку пива с бордовым содержимым, и я с благодарностью приняла её. Это вишнёвое пиво, которое он так хвалил немногим ранее. Дёшево, но не сердито и вполне добротно.

— Оно нулёвое, безалкогольное. У меня разнообразный запас для всех посетителей. Себе Альфред взял добавку точно такого же. Мы расселись по стульям, немного потрепались о сегодняшнем дне, а вскоре Дональд и Билли зазевались и, поочередно похлопав Альфреда по плечу на прощание, побрели по комнатам.

— Энн, приятно было познакомиться. Добрых снов, — сонно прохрипел Дональд и помахал мне рукой.

Билли же воздержался от каких-либо комментариев. Кажется, он не особо жалуется чужих людей. Мужчина даже потираливал Дональда, подталкивая его рукой в спину.

— Взаимно, всего хорошего, — мило улыбнулась я, попрощавшись с обоими.

— Ну дела... Не обижайся на Билли, — виновато шепнул Альфред, — он просто не привык выходить в «свет». Ему больше нравится находиться в компании нас, друзей. Билли довольно замкнутый последние годы.

— Что же случилось? Хотя извините, это совсем не моё дело. Просто любопытно...

— Я сам такой же любопытный, ничего страшного. Да и Билли был бы не против, по крайней мере, его прежняя версия. Мой друг похоронил жену года два назад, с тех пор я

редко видел его счастливым. Грабитель ворвался в дом к жене и ребёнку, пока Билли отрабатывал смену на работе. Мужик прямо на глазах дочки застрелил жену, чуть ли не с пистолетом вырвал ящики из шкафов, выкрав всё добро, и скрылся, а никто его и не искал после того. Билли вернулся домой. Дочь кричит, ревёт, на полу жена... Умерла прямо на его руках. Дотянула, но умерла. С тех пор, пережив два инсульта, Билли пашет на нескольких работах, чтобы иметь возможность оплатить няню для дочки. Даже дело не завели, представляешь? Кому охото разгребать проблемы простых работников? Никто и глазом не дёрнул, а ведь по скольким инстанциям мы с ним вместе прошли, вплоть до начальства, и всё без толку. Видит Бог, ещё не закончена его борьба за справедливость.

— Ох, мне так жаль... Это ужасно...

Следом мы обсудили его бизнес, обменялись событиями минувших лет, успев и погрустить, и посмеяться. Дональд помог Альфреду с деньгами, которые они оба вложили в мотель. Оба уволились со своих работ, и посвятили себя бизнесу.

— Альфред, а как насчёт тебя? У тебя есть дети? — поинтересовалась я и придвинула стул поближе к нему, раз уж мы начали открытый разговор.

— Мы с женой в разводе, дочь она увезла с собой в Санта Доминго. Я вижу их раз в пару месяцев и очень скучаю по своей малышке Одри. Ей шесть лет. Хочешь, покажу фото?

Я согласилась, и Альфред сходил до своей стойки, где мы с родителями стояли два часа назад, и принёс оттуда небольшой блокнот, в котором были вложены разные детские нелепые рисунки и фотографии, историю которых он мне поведал во всех подробностях. Его глаза блестели счастьем, когда Альфред рассказывал мне о своей малышке.

– А почему Вы с женой развелись? Прости, если и это слишком личный вопрос.

– Брось давай. Я ведь сказал, я человек открытый. Что ж... Я мало зарабатывал, и денег вечно не хватало. Постоянные ссоры, скандалы, большие долги. Я не пил и не играл в казино или карты, просто не складывалось в плане работы. Годами всё это накапливалось, пока, наконец, не пустило глубокую трещину в нашей семейной жизни.

– Деньги перевесили вашу любовь?

– Да. И знаешь, я понимаю свою жену. Она хотела хорошей жизни, и я даже не о дорогой квартире, машине или купании в деньгах. Представь ситуацию, когда твой ребёнок давно не ел ничего вкусного, а ты уходишь на работу утром и слышишь, как он просит тебя купить пару яблок, поскольку соскучился по фруктам. Особенно в летний-то сезон, когда лавки от них ломаются. Просит, а ты понимаешь, что тебе банально не на что их купить. Каких-то пару вшивых яблок не на что взять своей дочке, – большие воспоминания начали возвращаться в его голову, а он и не сопротивлялся.

– Пока одни горюют, что им не хватает денег на очередное

путешествие, кому-то не хватает их на такие простые мелочи. Всё познаётся в сравнении, – с щемящей тоской добавила я.

Он вытащил фотографии и, перебирая их, показывал одну за другой с широкой и чистой улыбкой на лице. Одри была такой же пухлощёкой, как и Альфред. Веснушки покрывали большую часть её лица, а глаза блестели ярко зелёной палитрой.

– Прелестная девочка, – улыбнувшись, сказала я.

– Она моя маленькая звёздочка, – произнёс Альфред и начал гладить фотографию своей дочери, – знаешь... Я так скучаю по ней. Порой мне хочется всё бросить и уехать к ней, чтобы хотя бы на минуту обнять, поцеловать и сказать, что папа всегда будет рядом и сделает всё, чтобы его малышка ни в чем не нуждалась. Я живу только ради этого. Мечтаю, чтобы она не знала, что такое безденежье, что значит есть полуиспортившиеся продукты, которые ты купил на последние деньги, что значит ходить в ободранной одежде и получать насмешки от одноклассников из-за того, какой ты нищий, а твой отец неудачник, погрязший в долгах. Я не хочу так, понимаешь? Я уже пережил это сам и для неё не желаю такой же участи, – закончил он без привычной улыбки на лице, опустив голову и серьёзно сосредоточившись на своих мыслях.

Альфред оказался невероятно светлым человеком, а таких людей редко встретишь в современном мире. Вскоре по-

сле своего рассказа он быстро приободрился и стал тем же весёлым мужчиной, каким я его видела до этого. Мы сидели на улице, окружённые природой и тишиной, в спокойствии которой разговоры могли длиться вечно. Затем хозяин мотеля вновь поведал об открытии мотеля несколько лет назад и роли Дональда в этом деле. Оказывается, Дональд не просто помог деньгами, а заложил семейный дом. Как крепка их дружба, раз мужчина решился рискнуть. И сам Альфред пустил в бизнес все свои сбережения, которые накопил за последние двадцать лет. Он верил в дело, учитывая отсутствие мест для ночлега в ближайших десяти километрах, а мотель располагался возле центральной трассы.

— Бизнес – дело нелёгкое, скажу я тебе. Случались и взлёты, и падения. Порой я не мог заселить посетителя из-за раскупленных комнат, а порой не удавалось даже пополнить свой продуктовый холодильник целую неделю или две. Билли частенько ворчит, что мне не хватает свежего взгляда, мол мы уже все старики с замыленными глазами. А какой я старик в пятьдесят три года? Мне ещё дочку на ноги ставить!

Вдруг Альфред показался мне угрюмым, словно уловил неприятные, тёмные воспоминания. Мужчина неожиданно для нас обоих сменил тему и продолжил:

– Ты хороший человек. Береги себя, – он по-отечески похлопал меня по плечу, – хорошо, что сейчас здесь мало посетителей, и вы с семьёй можете спокойно отдохнуть. Чего я только ни видел здесь за восемь лет. Особенно с молоды-

ми девушками, а ведь за каждую переживаю, словно за дочь родную.

Альфред вытер влажный лоб тыльной стороной ладони, приподняв кепку, и принялся за свой рассказ:

– Хоть взять такой пример... Самый запоминающийся... Их ссора меня чуть до инфаркта не довела. Ух, мурашки по телу пробежали. Видишь? – он приподнял свои волосатые руки, но на них при тёмном свете затруднительно заметить хоть что-то, но я кивнула в знак согласия, словно и правда увидела то, что Альфред демонстрировал. – Буквально месяцев семь или восемь назад я застал такую дикость. Или даже раньше, я, честно говоря, так долго оправлялся, что потерял счёт времени. Так вот... Тоже молодая девушка, примерно твоего возраста, – задумался он и отвёл свой взгляд от меня, чтобы вспомнить детали, – она приехала сюда на машине и залетела внутрь опухшая от слёз, с размазанной тушью под глазами... Вы ведь тушью красите глаза? Просила выделить ей хотя бы маленькую комнатку, отдохнуть и успокоиться. Трясло беднягу как после взбучки. Девчонка сказала, что уехала от молодого человека и вот-вот подступала истерика. Думаю ну дела, запереживал жутко! Одета в тот момент совсем не по погоде. На улице холодно, сыро, а на ней джинсы да свитер, куртки даже не было!

А ведь он не знает, как много такого происходит вокруг. Тут от одного случая стало дурно, а оно творится повсеместно. Не уверена, готова ли я слушать, но интерес пересилил

поднявшуюся тревогу:

– Вы сказали, что застали их ссору. Неужели её парень приехал сюда?

– Да, этот психованный нашел её. Представляешь? Ну дела! После ужина я поднялся к Дональду поиграть в нарды, тот вскоре уснул, а спустя полчаса слышу истошный женский крик. Выбегаю в коридор на первом этаже, а парень тащит её за руку из комнаты. Глаза дикие-дикие, прямо животное. Девчонка отпиралась что есть мочи, умоляла оставить в покое. Сердце моё ёкнуло, случилось всё в считанные секунды. Я увидел кровь на её брови и понял, что рана свежая, ведь ко мне она приехала целой. Понимаешь? Естественно, я вмешался. Не мужик что ли?

Я слушала Альфреда с замиранием сердца, пальцы рук от волнения скрепились между собой мёртвой хваткой. В моей жизни пусть и было всего пара парней, но никогда никто не обижал, не оскорблял и, тем более, не причинял физической боли. Тут же вспомнила о сестре, её отношения складывались ужасно.

– Я пошёл прямиком на этого ушлёпка, – сказал Альфред и с раскаянием за грубое слово посмотрел в мою сторону, – думая, что он отступит при виде взрослого мужика, но парень достал из кармана складной ножик. Я напрягся, но не отступил, ведь дело не закончено, следовало выручать девчонку. Один Бог знал, что бы этот сумасшедший сотворил с ней, не услышав я её крики. По парню сразу видно – не в

себе, ведь даже я пару раз распереживался.

– Ох, Альфред, страшно мне слушать дальше, но продолжайте! Тяжело даётся, откликается из-за семейной беды. Что ж, бровь-то он ей зацепил этим же ножиком наверняка.

– Я на секунду так и подумал, но каким надо быть отбитым и полезть на девушку с ножом? Кажется мне, он её ударил... Особо я не гадал, главным было помочь девушке и вызволить её из лап незваного гостя. Парень полез на меня с ножом, но я не из робкого десятка, – подмигнул Альфред, – и моментально среагировал, схватил его за руку и ударил ею об стенку так, что нож выскользнул. Он растерялся лишь на мгновение, и мне этого хватило, чтобы подхватить нож с пола.

– Ты словно супермен, Альфред. С таким можно и в огонь, и в воду. Благодаря тебе и тем мужчинам, способным на поступки, мы можем чувствовать себя в безопасности. Вот бы все были такими.

Казалось, такие перепалки помнились мне исключительно в кино, а не в реальной жизни. Обеими руками я обняла себя, растирая мурашки на коже. Альфред заметил это, отошёл к шкафу возле стойки и, вернувшись, заботливо накинул на плечи тёплый вязаный плед. Закурив сигарету, мужчина продолжил:

– Я попытался утихомирить парня, говорил с ним ровным голосом, но он послал меня на три буквы и сорвался вновь схватить девушку. Моя рука с ножом в руке дёрнулась впе-

рѣд, я зацепил его за заднюю часть куртки, как только парень повернулся ко мне спиной, и нечаянно проехался ножом по его пояснице. Я не планировал это делать, – Альфред очень заволновался и не хотел показаться плохим, – я забыл о подбранном ножике, действовал на автомате.

– Сильно вы его поранили?

– Не думаю, что рана была глубокая, ведь я не целился. Шрам бы точно остался. Парень вскрикнул, скорчив лицо, и пригрозил мне полицией, а еще закрытием мотеля к чёртовой матери, но после этого я его больше не встречал. На наш шум выбежали несколько посетителей, и парень мигом ретировался, угрожая девушке, что их разговор еще не закончен.

– И после этого он уехал? – в надежде положительного ответа спросила я.

– Уехал, но если бы остальные ребята не вышли в коридор, парень бы ещё потрепал нам нервишки, – Альфред от переживания начал говорить всё более спешно. – Девушку я отвёл в её комнату, принёс медикаменты для обработки раны, стакан воды. Пока всё делал, попробовал аккуратно выяснить, что случилось, но услышал лишь плач, и понял, что не следовало тревожить её. Девушка сказала, что помощь уже не требуется, и я ушёл, попросив позвать меня, если что-то понадобится.

– Как дальше было? Она выходила к вам?

– Ничего дальше, я пожелал спокойной ночи. Наутро её уже не было, а ключи от комнаты лежали на стойке. Как бы

я хотел верить, что она больше не встречала этого придурка. Кстати, она ночевала в той же комнате, что и ты сейчас.

Мама мия. Это не то, что сейчас хотелось бы услышать.

– Я теперь не усну спокойно, зная такие подробности, – я попыталась произнести это с долей шутки, но нервное лицо меня выдало.

– Чёрт, зря я это сказал. Очень неприятная ситуация. Я порой наблюдал ссоры между обычными дальнобойщиками, но тут... – сказал Альфред и потушил сигарету о пластиковый подлокотник, на котором виднелись мелкие жжёные вмятины от постоянных соприкосновений с сигаретой.

– Не хотела бы я быть свидетелем такого. Страшное дело, я бы и не сообразила, что делать.

Я встала и отодвинула после себя пластиковый стул ближе к стене, чтобы вернуть на законное место, и собралась прощаться с Альфредом. Он тем временем добавил:

– У неё еще такое имя необычное... Кэролайн, Кэролин... Черт... Или нет, не так. Ева... Нет, тоже не то. А, всё, вспомнил! Эвелин!

О. Мой. Бог. Земля провалилась из-под ног, картинка передо мной закружилась. Это ведь совпадение? Совпадение??? Нет-нет-нет, только не это, только не сестра. Так, всё. Эвелин – нередкое имя, всякое могло случиться. Спокойствие, спокойствие! Держи себя в руках, Энн!

– И вы даже чем-то похожи внешне, наверно оттого у меня сразу же возник отеческий порыв позаботиться о тебе, на

подсознательном уровне оно было.

Внутри неприятно ёкнуло. Одно имя моей сестры поднимало бурю эмоций. Злость, скорбь и бездонное чувство боли. Мне никогда не свыкнуться с мыслью, что единственный близкий мне человек уже не со мной. Любое упоминание этого имени выводит меня из равновесия.

– Очень жаль её, – нервно вздохнула я. – Ладно, добрых снов, Альфред.

Он похлопал меня по плечу на прощание. Отчего-то он очень любил этот жест.

– Доброй ночи, Энн. Всё нормально? Ты побледнела, – заволновался он и потянулся в карман за шоколадкой. Ему явно необходимо о ком-то заботиться, ведь Альфред редко видит свою дочь и не противится одаривать теплом посторонних людей.

– Всё окей, просто я не ужинала, как следует, – ответила я и пошла в сторону коридора.

– Ну дела! Сейчас я тебе сэндвич организую, и отказ не принимается.

– Уже пора спать, а кушать на ночь – вредно, еда в желудке не будет перевариваться, она начнёт там гнить, затем произойдёт воспаление, гастрит, язва, рак. Ну, Вы поняли.

Альфред сунул мне в руку пару шоколадок, и я пронеслась к себе как угорелая. Заснуть не получалось, долго ворочалась и мусолила в голове поведанную мне историю. Глаза не смыкались, от редкого моргания слезистая подсохла и луч-

ше не становилось. Я решила, что дождусь, пока Альфред уйдёт спать, проскользну к его стойке и подгляжу в блокнот, где ведутся записи о посетителях. Нужно убедиться, что это не моя Эвелин. Нужно! Боже... Нож, крики, ранения... Нет, с кем угодно, но не с моей сестрой. Я просто спокойно пройду к стойке, пролистаю далеко назад, увижу чужие данные и вернусь к себе, как ни в чём ни бывало.

Настенные часы звонко тикали, томительное ожидание сводило с ума. Спустя минут двадцать, пока я сидела как на иголках, в коридоре поутих шум, из-за прохлады я накинула кофту на плечи и на цыпочках пробралась к стойке в полной темноте, боясь, как бы Альфред не вернулся. Я обошла стойку, со второй попытки включила слабо светящую настольную лампу сбоку стола и увидела, что блокнота нет.

– Чёрт, – прошипела я себе под нос.

Глаза забегали по поверхности стойки в поисках дурацкого блокнота, но его не было.

Куда он делся? С моей стороны наивно полагать, что Альфред оставит блокнот на виду, в нём ведь личные данные посетителей. Дурочка. Думай, думай, думай! Я принялась перебирать лежащие вокруг листочки, заглядывая под них, по очереди открывала ящики сверху вниз. Скрючившись в тесноте между стойкой и стеной, я покряхтела и одной рукой опёрлась о край стойки, а второй потянулась к ящикам. О да, заветная находка. Я раскрыла блокнот, молниеносно развернула его, но тут же откинулась назад на стену. Хоть блокнот

довольно толстый, однако начальная дата в нём – четыре месяца назад. Порывшись еще, я убедилась, – больше ничего нет, никакого старого блокнота не хранилось. Выключатель света щёлкнул на втором этаже. В мою сторону устремились тяжёлые шаги спускающегося с лестницы человека. Едва я попыталась сорваться с места, как из темноты меня настигла фигура Альфреда, стоящего передо мной в сменной одежде: в мятой, домашней футболке и светлых штанах, обрезанных снизу. Зевая, он поинтересовался:

– Ты чего здесь? Не спится? Случилось что, аль проголодалась?

Я замялась, а Альфред всё так же моргал и зевал в ожидании ответа. Мой растерянный вид дал мужчине повод обеспокоиться:

– Эй, что ты, что ты? Ты в порядке, дитя?

– Да, э-эм, простите. Не подумайте ничего плохого, я лишь хотела проверить старые записи касательно посетителей мотеля, – призналась я, сжимая руками кофту. стыдоба какая.

– Зачем? Это из-за той истории, которую я тебе поведал? Впечатлилась?

Чтобы избежать недопонимания, я кратко рассказала об Эвелин и своих подозрениях. Альфред присел на табурет возле стойки, слушал внимательно, не отводя глаз. Уже целых десять минут как улыбка покинула его лицо, мужчина сосредоточился на каждой моей фразе, дабы ничего не упу-

стить. Поразмыслив с пару минут, он ответил:

– Ох, ну дела, да ведь можно было сразу рассказать, попросить. Я всегда готов помочь. К чему эти шпионские игры? Ох уж эти девчонки. Ладно...

– Затормозила, прошу прощения.

– Уверена, что посмотреть хочешь? Порой всё лучше оставить неизвестностью, дитя. Меньше знаешь, крепче спишь.

– Сон пропадёт, если я не буду знать наверняка. Что там ни записано, – я готова. Прошу, покажите.

Мне давно твердили о моей помешанности на гибели сестры, но посмотрела бы я на этих людей, потеряв они самое ценное. Никому до меня дела не было, кроме неё.

Альфред вышел в мелкую комнатку и вернулся уже с тухлявым блокнотом в руке. Картонная обложка отслаивалась по краям, а пружины сбоку ослабли. Как бы страницы не вывалились...Еще чуть-чуть и мои глаза вывалились бы из орбит. Я была готова вырвать блокнот из рук медленного мужчины и уже самой долистать, но Альфред остановился на одной странице и показал мне. Ох, ох, ох! Что, если там моя Эвелин?

– Нашли? – с надеждой посмотрела я на него, касаясь края обложки.

– Да, вот, шестая снизу на правой странице, – Альфред ткнул пальцем в нужное место.

– Так... «Эвелин Броукшейн», – гора упала с плеч, и я

закрыла блокнот, прижавшись щекой к плечу Альфреда, которое очень кстати оказалось в нескольких сантиметрах от моей головы.

– Ну, что? – спросил он и забрал блокнот.

– Это не она. Наверно, было глупо полагать, что это возможно, но я все-таки допускала такую мысль. Извините, с ума схожу, наверное.

– И ведь это хорошо! – Альфред мягко похлопал меня по плечу. – Не то, что ты сошла с ума, а то, что всё хорошо. Что ж, пошли по комнатам. Час уже поздний, и мне помнится, ты завтра рано выезжаешь. Поспи подольше, беги к себе.

Мы уже второй раз за вечер пожелали друг другу добрых снов, и я направилась в комнату с мыслью о том, как глупо я себя повела.

Видеть чужую фамилию я была несказанно счастлива. Жаль и Эвелин Броукшейн, но за свою сестру моя душа болит сильнее. Это ведь точно не она...? Парень отделался шрамом, а девушка наверняка сейчас с покалеченной психикой. Какая злость движет людьми? Как случилось, что мужчина, который должен оберегать, толкает себя на извращённые поступки? Пусть всё это обойдёт меня стороной.

На улице похолодало к моменту моего возвращения внутрь. Из-за открытой местности перепады температуры ощущались сильнее, холод пробирал до мозга костей. И в то же время утром мы все будем изнывать от жгучей жары. Но это будет потом, сейчас же следует утепляться. Я нырнула

в свой колючий плед и тут же вся зачесалась. В моё отсутствие воздух в комнате пропитался туалетной водой, отчего здесь прибавилось уюта, и как только моя голова коснулась подушки, я сразу же вырубилась, не успев даже о чем-то подумать. День вымотал меня всю.

Сон продлился всего ничего, а потому и отоспаться не вышло. Ноги ватные, лицо опухло. Глаза как у китайца. Как и предвещал Альфред, рано утром меня разбудил стук в дверь, – это были родители.

– Ми-и-и-ила-а-а-ая-я-я-я-я! Папа сейчас пойдёт уносить вещи и заводить машину. У тебя пятнадцать минут, – прокричала мне мама через дверь.

Какие пятнадцать минут? Совсем уже. Я не умытая, голодная и не выспавшаяся. Мне нужно как минимум прийти в себя после пробуждения, и лишь на одно это уйдёт всё это время. Глаза словно в песке и чесались, я чувствовала себя разбитой из-за того, что меня резко выдернули из сновидений. Зачем так торопиться, никто в дом не заселится раньше нас.

– Хорошо, мам! – крикнула я в ответ не очень доброжелательным тоном и накрыла голову подушкой. Вот бы кто-нибудь нажал на неё сверху, да посильнее, чтобы прекратить мои страдания.

После пары минут потягиваний на кровати и холодного душа я напялила вчерашнюю одежду и собрала рюкзак. Сразу же пожалела, что не постирала одежду. Я ведь весь день в ней потела. Мерзость. Еще и рюкзак постоянно спадал у меня с плеча, и это дико меня раздражало. За ночь он будто

стал тяжелее.

Что ж. Спасибо этому дому, пойдём к другому.

В коридоре по-прежнему стоял тот же запах, но уже менее уловимый. За ночь мы наверняка слились с ним воедино. Сквозь окна в помещение проникал солнечный свет, который подсвечивал все пылинки в воздухе и приветствовал нас, знаменуя начало нового дня. Нового и достаточно жаркого. Без крема моя кожа покрылась чешуйками от такой температуры.

За стойкой пусто, в коридоре тишина. Не хотела уезжать, не попрощавшись с Альфредом. Неужели он спит? Ах, да. Время ведь семь утра. Я подождала пару минут в надежде, что он выйдет, но никто не появился, кроме двух пролетающих мух. Я всунула свой комнатный ключ в нужную ячейку на деревянной полке и направилась к выходу, напоследок еще раз оглядевшись в надежде увидеть выходящего из комнаты Альфреда. Но, увы, этого не произошло.

Вдруг я услышала, как папа яро сигналиит из машины, которую он переставил поближе.

– Живее! – недовольно поторопил меня отец.

– Ты зачем шумишь? Люди еще спят! – крикнула я ему, указывая рукой на мотель.

Меня это взбесило, в то время как мама безучастно поправляла свою прическу. Зачем ты её поправляешь, если через десять минут из окна тебя обдует потоком ветра? Железная логика. Я завалилась на заднее сиденье с диким желани-

ем подремать, чтобы моё сознание стало ясным.

– Ты позавтракала? – обернулась ко мне мама.

Мне пришлось приоткрыть один глаз, устало смотря на неё исподлобья. Естественно, я не ела. Не успела.

– Нет, я ничего не ела, – ответила я, и мой живот проорчал эти слова вместе со мной.

Мама полезла в сумку-холодильник и начала перебирать в нём заготовленные дома бутерброды. Протянутый мне сэндвич был с подкопчённым салями, сыром и немного какой-то зеленушки сверху. Всё это зажато между двумя ломтиками чуть потвердевшего серого хлеба. Вот бы оно еще было съедобным.

– Спасибо, – я поправила хаотично разбросанные по хлебу ингредиенты, – а попить случайно не найдется?

Мама будто ждала этот вопрос.

– Естественно найдётся. Какая мама не подготовится к этому? Держи, – она достала из бокового кармана двери бутылочку с яблочным фрешем, – он ведь тебе нравится, верно? Я помню. Твой любимый.

Я улыбнулась ей в ответ и потянулась вперёд за напитком. Сюр. Яблочный фреш был любимым напитком Эвелин, но никак не моим. Мне нравился апельсиновый. У нас дома раньше была соковыжималка, и мама часто делала сок нам с сестрой, но после её смерти перестала. Стараться лишь для одной дочери стало пустой тратой времени. А куда уж ей, такой занятой. Важнее салат взрастить.

Пока наша машина дрожала на каменистой дороге, я с приятной грустью посмотрела вслед «Пустынному оазису». Я долго буду помнить его добродушного хозяина. Прощай, Альфред. После тошнотной тряски удалось заснуть в позе эмбриона практически до конца поездки.

После детища Альфреда мы проехали еще часов шесть, пока не начали прорисовываться очертания Пенбрука. Общая цветовая гамма города была выдержана в современном стиле – оттенки коричневого и оранжевого. Миновав мост, разделяющий трассу от городских дорог, наша машина въехала в окрестности города.

Он состоял из малоэтажных кирпичных строений, этажей пять или шесть, не больше. Местами город утыкан подобиями высотных зданий и, наверняка, это торговые или бизнес центры. Отсутствие вычурных и громадных домов-муравейников пробуждало чувства уюта и комфорта, которые теплом отзывались в моём сердце с каждым новым проеханным метром. Терпеть не могу шумные города, вечные толкучки из людей и пробки на дорогах могут любого загнать в депрессивное состояние..

На окраине города, по пути в центр, располагались частные сектора с зелёными лужайками, которые напомнили мне наш родной Вэствилль. На десять минут я почувствовала себя как дома, не понимая до конца, хорошо это или плохо

Вид за окном постепенно сменился на более городской – модные магазины с панорамными окнами, показывающие всю красоту витрин с летней одеждой; манящие кафе и рестораны всех кухонь мира; множество парков, цветные бил-

борды с рекламой и в меру оживлённая активность на улице. Прохладный воздух здесь казался свежее, небо было более голубым. Глаза с неподдельным интересом цеплялись за всё. За мелкий зелёный куст у светофора, за бабульку с собакой, за каждую встречную машину. Всё казалось таким новым и ярким, особенно в самый разгар дня.

Мы ехали медленно, заворожённо разглядывая всё вокруг. Для жителей Пенбрука жизнь текла своим чередом, никто не заметит новую машину. Зато для этой самой машины и с этого самого момента, с этой самой секунды, меняется всё, что было так привычно до прибытия сюда.

– Ой, папа, папа! – окликнула я, стуча его по плечу, – видел там кафе, которое только что проехали? Крутая вывеска. Никто не запомнил название?

– Какое кафе? – мама устало закатила глаза, не понимая моего интереса, – таких кафе здесь миллион. Скотт, не слушай, поехали уже. Будем останавливаться у каждого места, которое нам понравится, весь день потеряем.

Да и хрен с вами. Сама потом найду.

Нежно голубая вывеска, напоминающая волну и выбивающаяся из стиля окружающих бежевых домов, на которой белыми буквами красовалось короткое название. Сквозь большие окна я заметила стеклянный аквариум вдоль всей стены. Такого еще нигде не видела. В нашем городке мало кафеен, и все ходят к миссис Роуз. Я визуальнo запомнила это место и найду без труда. Спойлер... я его так и не нашла

самостоятельно.

– У меня уже пятая точка затекла. Ну, долго там еще? – мама не переставала ныть и массировала своё бедро кулаком. Будто одна она, бедняга, устала ехать в тесной машине.

Спустя двадцать минут после въезда в центр мы припарковались возле нашего нового дома. Точнее, дома родителей. Я же всё-таки решила обитать в общежитии. Оно было ближе к универу, чем наш дом. Возможность экономить полчасика в обе стороны меня привлекла, а если соседка будет адекватной, то я не против жить там.

– Мэри, сядь спокойно, – прервал её папа хмурым взглядом. Он был как всегда сосредоточен на чём-то своём.

Меня жутко раздражало то, что помимо того, что отец сам редко позволяет себе выражать позитивные эмоции, так он еще и маму в этом упрекает.

Двухэтажный дом смотрелся скромным и был выдержан в общем коричневом стиле остального города. Родители в несколько рейдов переносили вещи, а я со своим рюкзаком пробралась внутрь вдоль каменной тропинки, где уже стояли коробки с вещами, которые папа отправил вместе с грузовиком. Внутри дом был просторнее того, где мы жили в Вэствиле. Всё такое светлое, непривычное. Нужно будет обязательно купить шторы.

– Ну, как тебе дом, дорогая? – напугала меня мама, высушившись из-за спины.

– Мама, меня чуть Кондратий не хватил, – я со всем своим

актерским мастерством схватила за сердце, показывая весь ужас сложившейся ситуации.

– Ой, ты девка молодая, с тобой ничего не будет. Смотри, тут спальня, одна из ванных комнат находится по другую сторону лестницы на второй этаж, а здесь... – она повела меня следом в соседнюю комнату, взяв за руку, – кухня. Некоторую технику еще нужно будет докупить, чтобы всё выглядело современно, но в целом пока так.

– А моя комната где?

– Прямо по лестнице и направо. Слева наша с папой спальня, поэтому твоя в другом конце этажа.

– Я полетела к себе, с остальным потом разберусь.

Когда я переступила заветный порог, меня встретила комната раза в полтора больше моей предыдущей с новеньким, еще запечатанным матрасом на массивной деревянной кровати и окрашенными в белый стенами.

Я разобрала вещи, вскрыла матрас и плюхнулась на него, в полной мере почувствовав усталость с дороги. Я была разбитой. Разбитой и одинокой. Больше всего хотелось сейчас получить заветное смс от близкого человека по типу «как ты? ты доехала? всё хорошо?». Но у меня его нет.

Каждый день я чувствую тоску оттого, что у меня нет близкой души, с которой я могу делиться всем на свете. Хотя Лу и оказалась полным разочарованием, она была одной из тех немногих, с кем я искренне дружила. Мы часто сбегали на вечеринки ночью, гостили друг у друга, я посвящала её в

свои самые заветные тайны. Жаль, что она поменялась. Или, может, она всегда была такой, а я просто не замечала и смотрела на жизнь сквозь розовые очки?

Глаза сразу стали влажными, слёзы больно щипали. Мне бывало так погано на душе, а выслушать некому. Мне неко-го обнять, некому выговориться, некому уткнуться в плечо. Все мы люди, которым нужен близкий человек. Тот, который скажет «я рядом, и ты можешь мне довериться».

Когда тебе двадцать один, ты еще имеешь хороший шанс обрести новых друзей, но всё-таки какова вероятность встретить их, если за все прожитые годы ты сделать этого так и не умудрился?

Я вытерла остатки полувывсохших слезинок со своих глаз и, проминая новенький матрас, начала раздумывать о планах на ближайшие дни. Университет начинался лишь через неделю, и я могла бы посвятить время своим делам.

Несколько дней мы с родителями разбирали вещи, ходили по магазинам в поисках разной мелочи для дома и посетили пару уютных ресторанчиков в центре города. Увы, кофейня, на которую я положила глаз по дороге к дому, пока что не нашлась, но я всё еще держала в голове запоминающийся дизайн с аквариумом и представляла вкус кофе с десертом, ждущим меня в витрине. Мысленно сидела за столиком и разрезала вилкой шоколадный фондан, начинка которого растекалась по белой тарелке. Рядом ванильное мороженое и следы сахарной пудры. М-м-м-м.

Что же касается учебы. Первый учебный день предстоит завтра, еще несколько дней назад я волновалась, мусолила в голове, какое первое впечатление я произведу на ребят, но сейчас же внутри меня царило спокойствие. Я собрала основную часть вещей с собой в общежитие, и отец предложил подвезти меня прямиком туда, однако я отказалась. От чего-то не было ни малейшего желания ехать с папой, лучше осмотрю город по пути в общагу. Для поддержания делового стиля я оделась во всё черное: черная толстовка, чёрные спортивные. Перед выходом мама постаралась соорудить из себя прилежную мать, пристав ко мне с расспросами о том, всё ли я взяла.

После смерти Эвелин они с папой всегда держали меня

рядом с собой, словно на коротком поводке, а я и сама никуда далеко или надолго не уезжала. Однако по маминым жестам и эмоциям замечала, как нелегко ей даётся то, что я решила жить не в нашем доме, а в общежитии. Она стояла с поджатыми губами и выглядела растерянно в своём струящемся голубом платье домохозяйки. До конца жизни стечень меня они бы не смогли.

Дорога на автобусе заняла минут двадцать, тяжёлая сумка тянула руку к земле. Общежитие смахивало на один из кампусов самого университета, нежели на простое пристанище студентов.

Так чисто, никакого мусора, открытая зелёная территория возле здания. Вокруг царила сплошная какофония, сложившаяся от разговоров сотни студентов. Давно я не чувствовала себя частью молодого сообщества, не находилась среди ребят моего возраста. В последний год я даже перестала ощущать свой возраст, позабыв, какая я юная и зелёная. Мне ещё предстоит прочувствовать всё веселье.

На первый взгляд народ вокруг казался улыбочивым и даже дружелюбным. Пока что город не разочаровал моих ожиданий, а если крохи волнения сидели в моей голове, то сейчас они пропали напрочь. Зуб даю, что я вольюсь в эту атмосферу и без затруднений завяжу дружбу с кем-то из ребят. Широко улыбаясь, я топала по тропинке в сторону здания и рассматривала окружение.

– Куда прёшь, дура?! – в меня врезался дурно пахнущий,

здоровый парень, и я отшатнулась. Подходящих слов подобрать не удавалось, сейчас следовало чётко следить за первым впечатлением и не наживать лишних проблем.

— Я-я-я, э-эм... — я затормозила и замялась, смотря на грубого молодого человека с меня ростом.

— Тебя что, не кормят? Рот открыть не можешь, — засмеялся он конским смехом прямо мне в лицо, слюни каплями полетели на меня.

Какой мерзкий тип, еще и жирный. Неудивительно, что мы столкнулись, ведь в него сложно было не попасть. Как бы ему ответить? Вежливо или всё-таки показать, что лучше быть со мной осторожнее?

— Совсем тупая что ли? Так и будешь молчать, вылупив крысиные глаза на меня?

Что за грубиян! Подобным образом разговаривать с незнакомкой, это кто из нас ещё тупой? Бурлившее во мне раздражение заставляло кулак сжаться от злости, руки так и чесались ударить его. Так, время вспомнить слова Эвелин и ответить ему так, чтобы не казаться тряпкой.

— Такая толстая скотина ничего помимо оскорблений в сторону девушек придумать не способна? Знаешь, длинным языком часто компенсируют маленькое мужское достоинство, — выпалила я абсолютно уверенным голосом, но через мгновение ощутила стыд. Обычно я веду себя культурнее, да и вышло менее удачно, чем звучало в голове.

Несколько ребят, стоявших рядом, тихо хихикнули, при-

крывая рот рукой. Одна из группы девочек подняла вверх большой палец, поддержав мой выпад. Наверняка этот дурак обладал неприятной репутацией и не славился званием джентльмена. Миловидное личико незнакомки не соотносилось со сказанным ранее, и парень не ожидал от меня подобной колкости.

– Что? Да я тебя...!! – мужские ноздри расширились от злости.

– Бен! – чей-то мужской голос окликнул парня.

Он обернулся, жестом показывая, что сейчас подойдёт и бросил напоследок, тыча в меня пальцем:

– Ты своим язычком не дерзи больше, а то ему придется столкнуться с тем, что ты посмела назвать маленьким. Сама увидишь, какой он, – Бен неприятно ухмыльнулся своими потрескавшимися губами, двинув бёдрами вперёд в неприличном жесте, и ушел прочь.

– Мерзость. Всё же не все тут дружелюбные, – сказала я вслух с обречённым вздохом. Уголки рта опустились, я уже не сияла прежней радостью. С психом рванула внутрь, раскисать не было времени.

Заполнив бумаги и забрав ключ, со вспотевшей спиной я поднялась к себе на четвёртый этаж по старинной, резной лестнице, перила которой отполировали руки студентов. Широкие ступени удлиняли шаг, отчего мышцы на ногах прочувствовались ярче ожидаемого. Я остановилась перед дверью в попытке собраться с мыслями. Сейчас я войду и

познакомлюсь с человеком, жить с которым мне предстояло ближайшие несколько лет. Ребристый след от лямок рюкзака впечатался в кожу руки оттого, с какой силой я сжала их.

– Хэй, какие люди! – услышала я, не успев открыть дверь до конца.

Соседкой оказалась девчонка со светлыми, на вид иссушенными волосами. Выглядела она примерно на мой возраст, наверняка числится на том же курсе, что и я. Соседка внимательно рассматривала меня, захлопнула книгу, лежащую на коленях, и сложила ногу на ногу. Воцарилось неловкое молчание. Ладно, по крайней мере, на первый взгляд она вроде нормальная и не похожа на фрика.

– Полагаю, я твоя соседка? – от меня последовал вполне логичный вопрос, хоть бы девушка не посчитала меня глупой.

Я попутно оглядела комнату, на удивление не похожую на старую лачугу. Бежевые стены, покрытые краской вместо обоев. Возле двух отдельных кроватей расположились личные шкафчики, зеркало в пол и плюшевый пуфик синего цвета. Шторы в том же оттенке, что и пуфик, при этом слегка потрёпанные. У каждой из нас свой рабочий стол из дерева.

– Да, живём мы теперь вместе. Я Севул Тян. А ты, должно быть, Энн, верно?

Севул Тян? Чего? В ней нет никаких азиатских черт. Только не говорите мне, что она...

– Для конкретики. Это я называю себя Севул Тян, – про-

должила она с игривой улыбкой, – а так, моё имя по паспорту Келли, но мне оно не нравится.

Она показушно сморщилась после упоминания реального имени, и только сейчас я заметила, что на Келли надет парик низкого качества и ненатуральным пошивом в районе корней волос. Блестящая, синтетическая светлая шевелюра на несколько сантиметров приподнималась над уровнем каштановых волос самой девушки. Боже, хоть бы не какая-нибудь сектантка или фанатка К-рор.

– А имеется короткая версия имени? – спрашивать неудобно, но перспектива звать её настолько странным именем мне не прельщала.

Зелёные глаза заискрились, вычисляя степень моего неуважения к её личной жизни и жизненных принципов. Я застыла на месте, но тут же улыбнулась с её желтой футболки цвета лимона, надетую на тонкую белую кофту с длинными рукавами. Это в своём роде «привет из 2010-го» или даже раньше. Одежда контрастировала с чернотой моих тканей.

– Короткой версии нет.

Что ж, ладно. Кажись, для неё это важно, а потому придётся придерживаться правил.

– На тебе парик? – поинтересовалась я, сев на кровать напротив Келли.

– Да, – девушка погладила свою шевелюру, – тебе нравится?

Конечно, нет. Ужас, но пришлось поддержать разговор:

– Да, очень мило. А свои волосы у тебя какие? Или ты всё время носишь парик?

Удовлетворённо улыбнувшись мне, она стащила с головы свою синтетическую шевелюру, и я увидела шикарные волнистые темные волосы до лопаток. Они сияли здоровым блеском, струились по плечам. Келли сейчас выглядела намного симпатичнее. Её мягкие черты лица, неброский макияж с тонкими стрелками и чёткая линия скул гармонично сочетались с такой прической.

– Как-то так, – Келли похлопала густыми ресницами в ожидании моей реакции.

– Твои волосы такие хорошие, зачем ты носишь парик?

– Первый день и уже допросы? Я люблю быть разной. Люблю меняться и быть яркой каждый день. Иное просто скучно. Все ребята такие одинаковые, я не желаю быть как все, вы обычные и ничем не запоминаетесь. Я в этот мир пришла не сливаться с толпой.

Исчерпывающий ответ... Она подняла с тумбочки расческу и принялась разглаживать густющие и ухоженные волосы. Это варварство – прятать их за париками, которые выглядят в миллион раз хуже! Странная девчонка, но хотя бы не агрессивная. Наверное... Постараюсь найти с ней общий язык, ведь нам придётся вместе жить.

– Энн, ты обедала уже? Пошли в «Глорис», он напротив. Есть хочется до одури.

– Я бы поела чего-нибудь. А какая там кухня? – приобод-

рилась я, а живот заурчал от таких вопросов.

Пока мы болтали, я переоделась в белую футболку с шортами из дышащего льна (мама сказала, что пятая точка в таких потеть не будет).

– Это простое кафе, еда на любой вкус. Хоть бутерброды, хоть паста, хоть салат. По цене весьма бюджетно, – сказала она и подошла ко мне, – тебе помочь?

Она без стеснения потянулась близко ко мне, чтобы заплести волосы, но я аккуратно увернулась, сделав вид, что нужно кое-что взять в рюкзаке. В воздухе повисла неловкость, которую нужно было немедленно разрядить. Тем временем, активные шаги, раздававшиеся из коридора, словно целенаправленно приближались к нашей комнате.

– Келли-и-и-и-и! – прозвучал звонкий женский голос, хозяйка которого начала открывать нашу дверь, даже не постучавшись хотя бы ради приличия. Девушка явно чувствовала себя здесь уверенно.

Келли закатила глаза и крикнула в ответ, застучав руками о кровать:

– Лили, тебя разве не учили предупреждать о визите?! Наглая девчонка! Каждый раз одно и то же.

К нам в комнату бесцеремонно вошла высокая длинноволосая девушка с едва уловимым здоровым румянцем на щеках. Её карамельные волосы теплым цветом подсвечивались под солнечными лучами, проникающими с улицы. Хм, типичная звезда универа с оравой подружек и нескончаемым

потоком поклонников? Неудивительно, что вошла она сюда словно к себе домой.

– Я знала, что ты обрадуешься, лапуля, – ответила Лили, и вмиг взгляд её метнулся ко мне, – оу, у тебя новая соседка? – она с искренней улыбкой юркнула ко мне, поправляя свои размашистые летние штаны.

– Я Энн. Буквально минут двадцать назад пришла, – ответила я, заплетая хвост.

– Рада встрече. Я Лили, как ты уже могла понять исходя из воплей нашей дорогой Севул Тя-я-ян. Она же Келли, она же зануда, она же бунтарка. Хотя таким именем она себя зовёт лишь первые минуты знакомства, проверяет твою реакцию, насколько сильно твоё недоумение.

Келли прожигала девушку взглядом, ведь та тараторила, даже не позволив хоть слово вставить моей соседке. Вот-вот и её терпению придёт конец, и Келли треснет эту симпотягу. Интересный дуэт, неоднозначный и явно контрастный. Лучшие подружки?

– А вы куда собрались? – гостя осмотрела нас хитрющим взглядом в надежде на интересную новость. Сто процентов та пойдёт с нами, даже если не позовём с собой. Эта девушка не из скромниц.

– Я позвала Энн сбегать пообедать в «Глорис», – выдала наши планы Келли и слегка прищурилась в ожидании ответа Лили. Три, два, один...

– Обожаю это место. Я иду с вами, девчонки.

Такую реплику я и ждала. А я что? Я не против, ведь новые знакомства всегда идут на пользу, да и Келли вроде как не отнекивается. Да и это бесполезно, дураку ясно, что Лили – своенравная девушка и всё равно сделает так, как хочет она. Её голубые глаза сверкнули радостью, когда она заметила отсутствие возражений.

«Глорис» действительно располагался через дорогу от нашего кампуса. Лили постоянно шутила и расспрашивала меня о Вэствиле и о том, как прошла дорога до Пенбрука. Никакой заносчивости, простота и обаяние вкупе с женским очарованием, притягивающим к себе.

– Вэствил? – оживилась поникшая Келли, – моя тётя живёт там, любопытно, что ты приехала оттуда.

Я всегда жила с уверенностью, что о Вэствиле знали только сами местные жители, ведь мой городок такой крохотный и ничем непримечательный. Приятно, что я неправа.

– А ты там была?

– Не была, тётя переехала туда после моего совершеннолетия. До тех пор мы жили вместе в Маре. Я сирота, и Хэйли воспитывала меня вместо родителей.

Неловко расспрашивать подробно, но интерес взял верх, тем более рано или поздно я бы узнала о жизни соседки. Келли поведала, что её родителей в лесу загрызли медведи во время отпускного похода, и те умерли в больнице. Тётя Хэйли осталась единственной её родственницей и взяла опеку над ней, хоть той и приходилось тяжело. История про

медведей казалась мне неожиданной, в некоем роде чуточку нереальной. Если соседка врёт, я всё же узнаю со временем.

Народа в «Глорис» была толпа, в основном молодёжь, но оно и неудивительно, ведь район буквально кишит ею. Выбрав блюда, Келли отлучилась в туалет, и я осталась наедине со второй знакомой в лёгкой неловкости от присутствия чужого человека.

– Так, значит, завтра твой первый день в нашем университете? Волнуешься?

– Да, есть немного, – от разговоров с новым человеком пересохло в горле, и я хлебнула принесённый лимонад с лаймом, – боюсь затеряться утром.

Лили откинулась на стуле, закинув ногу на ногу, в то время как я ощущала себя довольно зажатой. Заприметив прямую осанку девушки, я последовала тому же примеру, чтобы не горбиться.

– Что ж, а какой факультет ты перевелась?

– На факультет литературного искусства, – ответила я и снова увлажнила горло лимонадом. Соберись, Энн, ты же живёшь в социуме, и разговоры – это привычное дело. Лили тоже принялась за свой вишнёвый коктейль, большую часть которого составлял лёд.

– О-о-о, так у нас почти все предметы совпадают за исключением нескольких узкоспециализированных. Я на факультете искусствоведения. Так, давай утром встретимся в 8:30 у входа, я тебя провожу и покажу всё, чтобы ты не бро-

дила в страшном поиске аудитории. Согласна?

Последнее слово она наверняка добавила исключительно ради приличия. С чего вдруг такая забота? Недолюбливаю активистов, всюду желающих помочь каждому встречному. Я на мгновение задумалась, и Лили сразу добавила...

– Я понимаю, каково быть в новом месте, а потому рада сделать его чуточку комфортнее. Моя бы воля, создала группу кураторов для каждого новенького. Родители постоянно пихали меня в разного рода кружки с устоявшимися в них коллективами, которые редко принимали новичков с распростёртыми объятиями. Когда ты один, словно брошенная в море рыбёшка, освоиться тяжко, – она подбадривающе улыбнулась мне, и это подействовало успокаивающе.

– Спасибо, да, это и вправду заманчивое предложение, – охотно согласилась я, – а ты живёшь не в общежитии?

– Нет, у моей семьи частный дом в центре Пенбрука. Я живу там с братом и родителями. Ты ведь и ожидала именно такой ответ, я права? Скромничать не люблю, а скрывать свой статус – тем более. И нет, я не стерва, не сука и даже не та, которая за спиной поливает всех «простаков» грязью.

Я не успела вставить и слова, как Лили предугадывала мои мысли.

Брат... Хм. Если он так же симпатичен, как и Лили, то явно хорош собой. А разве когда-то бывало так, что в паре богатых брата и сестры хоть кого-то природа обделила красотой? Не буду о нём расспрашивать, чтобы не показаться

слишком заинтересованной. Да и разве мне необходима эта информация? Мне совершенно не любопытно. Правда ведь?

– Если бы у меня был такой шикарный дом, я бы тоже не стала оттуда съезжать, – присаживаясь, сказала Келли и покосилась на Лили, – сколько незаконных сделок совершил твой отец, чтобы его отгрохать? Деньги не пахнут, правда ведь?

Я смутилась на секунду, мысленно представив, как непроста́ будет моя жизнь с этой девушкой в одном пространстве. Молодёжь в Пенбруке явно за словом в карман не лезет. Конфликты на пустом месте с Келли возникают с той же лёгкостью, как загорается пух на улицах.

– Да, я не жалею, – Лили гордо подняла подбородок и легонько ткнула Келли локтем в руку, отчего вторая нахмурилась, – такая ты буча. Если и случалось что-то незаконное, то в этих делах не было пострадавших сторон. А раз так, то какая разница? Приходи почаще в гости, чтобы мой дом не мозолил глаза, я всегда рада гостям. Поплаваешь в нашем бассейне, поваляешься перед проектором, на котором мы включим твой самый любимый фильм. Не классно ли? Я живу так каждый день.

Лили фыркнула и отвернулась от Келли, вновь вернувшись к нашему с ней разговору. Келли практически всё время молчала, лишь изредка бросая короткие фразы. То ли она изучала меня всё это время, то ли не желала болтать в присутствии Лили. Мы доели пиццу и вскоре распрощались. Я

и Келли двинулись обратно в комнату, а Лили умчалась по своим делам.

– Как тебе Лили? – поинтересовалась Келли, пока мы шли по коридору общежития.

Она внимательно наблюдала за моими эмоциями. Ревнует Лили ко мне или желает знать, люблю ли я таких снобов? Они подруги? Или просто очень любопытная?

– Приятная девчонка, – честно ответила я, так же оценивая реакцию моей соседки.

– Дочка богатеньких родителей... – в этих словах слышались нотки зависти, будто она осуждала Лили за то, что её семья не бедствует.

– А какой у них бизнес?

– До конца так и не поняла, но вроде её отец проворачивает не всегда «белые» махинации в брокерском деле, входит в общественный совет Пенбрука и тому подобное. Так что наша королева стиля всегда при хорошей одежде, а её брат с хорошей машиной, – торопливо протараторила она, наверняка полагая, что я соглашусь и примусь осуждать богачей.

Я лишь «понимающе» кивнула в ответ, но дальше не стала продолжать эту тему. Зачем осуждать человека за то, что у него есть деньги? Есть возможность обеспечить семью? И чудесно! Лишь бы не во вред другим людям. Мы молча зашли в комнату, и я переоделась, надев домашнюю майку. Было жарко, и я решила остаться в трусах. Какая разница, всё равно нам жить вместе, не буду стесняться.

– Разве это плохо, что она живёт в обеспеченной семье? – всё-таки я не смогла смолчать и продолжила, стоя прямо в белье перед соседкой.

Она застопорилась, словно мой вопрос был таким каверзным, что поставил её в тупик. Ответ сейчас мог многое сказать о самой Келли. А возможно, её смутил мой внешний вид. Ох, а вдруг на мне смешные трусы, и я со своей плохой памятью забыла про это?

– Нет, просто богатые люди всегда думают, что всё им должно подаваться на золотом блюдечке, – ответила она, залезая под одеяло, – я таких снобов не люблю. Хотя должна признать, что Лили мне ничего плохого не сделала. Сама она славная, но порой берёт на себя слишком много, как бы не выгорела с этого. У меня бы мозги набекрень съехали от того количества обязанностей, которые она сама же на себя и возложила. Прямо Мать Тереза, чёрт её дерит.

– Пока что она не вызвала у меня подобного впечатления той, кто ест из золотой ложки. Не знаю, посмотрим, нам предстоит несколько лет пробыть вместе.

Моя соседка смолчала и тут же принялась за чтение книжки с ярко-красной обложкой. Убедившись в отсутствии её ответа, мне оставалось лишь привыкать к новой кровати, разложившись на ней в позе звезды.

Глава 2. С оглядкой назад

1

Келли на утро одолжила мне свою плойку для волос, чтобы я завила волосы и получила лёгкие волны по всей длине. Перед выходом на улицу успела мельком посмотретьсь в зеркало и убедиться в целостности чётких чёрных стрелок в уголках глаз. Я перерисовывала их несколько раз, но вышли они слегка кривоватыми. По сравнению с сомнениями о надетой обтягивающей бордовой кожаной юбке в первый учебный день эта проблема казалась пустяком. Белая блузка балансировала образ, пресекая любой намёк на сексуальный подтекст. Довольная собой, но взволнованная событиями нового дня, я заткнула уши наушниками с бодрящей утром музыкой и на автобусе добралась до назначенной точки встречи с Лили. На меня точно будут коситься другие студенты, ведь эта девчонка ожидала непонятную новенькую студентку.

Меня встретил огромный кирпичный университетский кампус, будто я попала в элитный университет, плата за обучение в котором вызывала головокружение лишь от одних нулей в ней. И архитектура, и сам вид его полностью повторяли моё общежитие, будто оно было «дочерью» универа.

Эвелин... Когда-то Эвелин тоже училась здесь. Что же с

тобой произошло в этом городе, сестрёнка?

Смех девчонок недалеко от меня вернул в реальность. Вот бы ни с кем не столкнуться, дабы не повторять вчерашнюю стычку с Беном. От одной мысли о нём моё лицо непроизвольно скривилось. Какой же он мерзкий тип, Эвелин точно смогла бы его утихомирить так, чтобы тот ни разу не попался на глаза после первой встречи. Уверенной походкой я прошла мимо сонных зевак и заметила, что Лили ждала меня у самой двери, разговаривая с темноволосой и такой же высокой, как она, девушкой. Моя новая знакомая была одета как с иголочки: нежно-розовый жакет и юбка из твида плотного кроя, наряд смотрелся дорого и изящно. Лили в буквальном смысле выглядела как типичная «богатая подружка», но моя самооценка от этого ничуть не пошатнулась. Наверное... Келли советовала подмазаться к ней для получения неких преимуществ от близкого общения с богатой наследницей, но для меня в общении нет места корысти, и в этом жизненные ценности и ориентиры расходились с теми, что есть у соседки.

Я пробежала вверх по ступенькам прямиком к Лили, едва не споткнувшись от невнимательности. Её собеседница в это время как раз отошла, и мы с ней не пересеклись.

– Доброе утро! – Лили распахнула свои лисьи и завораживающие глаза, встречая меня, и легонько приобняла в знак приветствия. Такие элегантные, мягкие движения, отточенные манеры. Внутри зародилось унижительное чувство, что

я здесь лишняя, и подобная дружба мне не подходит...

— Ты давно меня ждёшь? — запереживала я, поскольку редко опаздывала, и задерживать чужого человека казалось неловким моментом.

— Нет, что ты. Пару минут назад пришла и встретила Мэдисон. Она раньше училась в моей группе, но перешла на другое направление. Ты как, готова? Волнуешься?

Я молча кивнула. Лили взяла меня за руку и решительно повела через главные двери. Практически каждый третий студент здоровался с ней, и девушка мило им улыбалась. Неужели я действительно завела хорошее знакомство в первый же день? Мы бродили минут десять, и всё это время я чувствовала себя посетителем экскурсии. Не только от того, что Лили мой проводник, но и от того, что внутри университет не уступал древним музейным экспонатам. Высокие потолки, старинная дубовая мебель и резные коричневые стены, увешанные картинами. Я точно попала в Оксфорд.

Мы мельком просмотрели моё расписание, и новая знакомая проводила меня до аудитории. Половина занятий прошла без Лили, потому пару часов пришлось побыть одной, присматриваясь к одноклассникам и преподавателям. Я изучала ребят, анализировала привычки местных студентов, их манеру поведения. В общем всё, что пригодится мне для вливания в новую жизнь.

На последнюю лекцию мы с Лили «воссоединились», от появления уже знакомого лица буря эмоций подутихла.

– Пойдем, да, сюда, – она жестом подозвала меня следом за собой в новую аудиторию с приоткрытой дверью, – поторопись, – похоже, что мы опаздываем, а я так не хотела этого... Он будет злиться. Главное не стушеваться, ты меня поняла?

– Профессор уже на месте? – спросила я полушёпотом, заходя в помещение, но вскоре увидела, что тот озвучивал список студентов. Мы с Лили юркнули внутрь, стараясь остаться незамеченными, хотя кучка студентов отвлеклась на появление вошедших девчонок. Профессор приподнял бровь, глянув на нас.

Мы сели с краю на первом ряду просторной аудитории, на фоне которой толпа студентов казалась маленькой шайкой друзей, нежели целым потоком.

– Неужели здесь еще отмечают посещения? – я продолжила говорить тихо, чтобы меня не услышали. – Проблем не будет?

Лили только открыла рот, чтобы ответить, как её прервали:

– Так-так, – раздался бархатистый мужской голос, – молодые дамы, должно быть, больше увлечены друг другом, нежели моим занятием?

Сейчас я лучше рассмотрела темноволосого мужчину, подошедшего прямо к нашему столу. Он опёрся на него руками так, что листок с именами приземлился прямо перед моими пальцами. Сразу видно, что атмосфера на его занятиях

не такая уж и официальная по сравнению с преподавателями старшего поколения. Выглядит он зрело, но одновременно молодо. Сколько ему лет? Наверняка в районе тридцати или чуть меньше, учитывая, что он занимает такую должность. Вряд ли в профессора берут молодняк, особенно в престижное место. Или он сын какой-нибудь местной шишки...

Я почувствовала слегка уловимый запах мужского парфюма, шлейфом обволакивающий нос нотками лайма и мяты, а следом – кофейный аромат. Значит, у нас тут любитель кофе?

– Вижу, у нас новый студент, – произнёс он, глядя прямо на меня своими карими, словно темный шоколад, глазами, – отметьте себя, пожалуйста, – он скользнул шершавым листком по столу, пододвигая его ко мне с Лили.

Профессор тут же, развернувшись на носочках, отошёл к своему столу. Меня легонько подопнули по ноге. Это Лили, желающая срочного внимания. Её глаза сверкали так, словно я должна была уловить некие сигналы или намёки, но я ничего не понимала и потому перевела взгляд на нашего профессора. Тот уже начал лекцию.

На нём белая рубашка, сверху карман с торчащей из него ручкой. Классические брюки со стрелками и лаковые лоферы. Во время разговора он периодически трогал свою аккуратно подстриженную щетину. Да вы, мистер, не уж-то стилиста? Мужчину подобного типа не стыдно и с родителями знакомить. Ой, о чём это я... В голове пролетел избитый вре-

менем сценарий по типу «запала на своего профессора», а затем «жили они долго и счастливо». Он приятный молодой человек. Или мужчина. Да, приятный мужчина, не более. Точно. Не более.

– Дорогуша, ты поплыла, – протянула Лили с хитрой улыбкой до ушей, – понравился что ли? Только не говори, что ты такая же, как все эти девчонки вокруг: как только на горизонте появился загадочный брюнет с карими глазами, то тут же отключается мозг.

Я активно замотала головой в отрицании её слов, и смущённая уткнулась в тетрадь, далее стараясь не глядеть ни на Лили, ни на профессора.

– Э-эй, – Лили ткнула в мой локоть своим, чтобы я не игнорировала её, но, не дождавшись ответа, хмыкнула и отвлеклась на доску, где красовался план занятий на пять семестров, каждый из которых длился по два месяца.

А что мне ответить? Я первый раз его увидела. Все мы любим глазами, и я не исключение. Я бы поболтала об этом, но в данный момент не желала получить ещё одно замечание за лишние разговоры во время занятия.

– Для всех новеньких представляюсь. Меня зовут Джон Тэйт, – громко и чётко произнёс профессор с блокнотом в руках, – профессор литературы.

Почти полтора часа мы слушали о Марке Твене, Оскаре Уайльде и их вкладе в мировую литературу. Я словила себя на мысли, что Джон – самый молодой преподаватель из тех,

кого я сегодня успела встретить. За какие заслуги он работает здесь?

Лекция закончилась, и студенты торопились разойтись, в аудитории стоял шум от пустой болтовни и грохота сумок. Лили долго шевелилась и не успевала затолкать вещи обратно в дамскую сумочку, а потому вместо того, чтобы уйти первыми, мы знатно задержались. В погоне за красотой она позабыла о практичности вещей.

– Такая ты копуша, – нетерпеливо сказала я ей, поторапливая. – Всегда такое происходит? А я считала себя нешустрой...

Она посмеялась, будто это не первый раз, когда Лили слышала подобные слова в свой адрес. Дело плохо.

– Сегодня порой торможу. А если опаздываю, то редко и речь идёт о минутах. Всё, пошл... – она не успела договорить, потому что её прервал мужской голос.

– Мисс Никельсон? – я обернулась на голос профессора, сидящего за своим столом.

Лили взглядом показала, что будет ждать меня в холле и вышла из аудитории, цокая каблуками. С сумкой в руках я подошла к мужчине в ожидании выговора за опоздание. Крепкие мужские кисти рук держали лист с фамилиями, который профессор передал мне в начале занятия. Мужские руки приковывали внимание женщин, и здесь я тоже не исключение. У профессора на коже виднелось несколько заживших светлых шрамов: один в форме молнии возле боль-

шого пальца, а второй – на костяшке. В новых условиях, с новыми людьми мозг подмечал мелкие детали, на которые я бы в обычной жизни вряд ли обратила внимание.

– Мои занятия проходят три раза в неделю. Правила предельно ясные. Прошу Вас более не опаздывать, – он кашлянул и отложил листок в угол, прибирая свое рабочее пространство, а затем устремил свой пронизывающий взгляд на меня, – хотя в компании с мисс Стоун это будет сложно сделать, – мужские губы чуть дрогнули в улыбке, которую он пытался выдать в попытке скрыть смешок.

– Возможно, у меня получится изменить её привычки, если общение продолжится, – пожала я плечами. Профессор одобрительно кивнул, мы попрощались, и я вышла к Лили, подпирающей спиной стену коридора.

– Чего он хотел?

– Просил не опаздывать на следующие занятия и намекнул, что с тобой вряд ли удастся не опаздывать.

– Брехня. Ясно. Скукота, – взяв меня под руку, Лили вывела нас на улицу. Пришлось вновь проталкиваться через толпу выходящих из университета студентов.

– Лили! – воскликнула надвигающаяся на нас хозяйка писклявого голоса. Не сразу получилось разглядеть её.

Не успела я обернуться, как перед нами возникла молодая девушка с удлинённым тёмным «горшком» вместо причёски и на голову ниже меня, запыхавшаяся от спешки. Она то и дело поправляла свою падающую с плеча сумку.

– Мэйси? Ты чего так неслась? – обратилась к ней Лили. – Дыши глубже.

Девушка поправила очки, натянув их выше на нос, и протараторила, переводя дыхание:

– Позвонить я не могу, деньги кончились на мобильнике, поэтому, слава богу, я тебя здесь застала. Что там насчёт того, чтобы обналичить мою страховку через твоего папу? Есть новости? Дело сдвинулось?

– А, да, я поговорила с родителями. Давай на выходных обсудим, сейчас мне пора идти.

– Только не забудь! Я буду ждать вестей.

Мы разошлись с Мэйси, и Лили устало процедила:

– Она, конечно, добрая девчонка и всё такое, но порой просто невыносима. Я не успеваю делать всё и сразу.

Тут же вспоминаю слова Келли о том, что Лили слишком многое на себя берёт.

– Про какую страховку она говорила? И почему это надо делать через твоего папу?

– Мэйси уже год не может получить деньги за потерю родственника, государство даже не пытается шевелиться, поэтому в таких случаях следует подключаться к папиным возможностям. Если есть связи, всё в этом мире решается на порядок легче. И тебе следует установить такие связи.

— Они уже есть, судя по всему, ведь ты стоишь прямо передо мной.

Лили одобрительно кивнула, хваля за понимание моего

нового знакомства. Мне Келли говорила про какие-то махинации и сделки, которые проворачивает глава семейства Стоун, и, похоже, это одно из таких делишек. Я не стала допытывать Лили расспросами о работе её отца, поэтому решила порасспрашивать о Мэйси, пока мы шли вдоль зелёной территории.

– Ей должны крупную сумму?

– Мэйси таковую обязана получить от государства, но выплачивать никто не собирается, – Лили скривилась от этих слов, – а если всё пройдёт успешно, из-за жёстких процентов ей достанется лишь половина от положенной суммы даже при подключении моего папы.

– И она готова согласиться потерять немалую часть?

– А у неё выбор есть? Либо так, либо ничего. Мэйси заботится о своей восьмидесятилетней бабушке, живут они вдвоём. Куда ей деться? Им любые деньги пригодятся, – ответила она, роясь в сумке в поиске бальзама для губ, – особенно, если есть выбор между таким раскладом и получением целого ничего. Ты бы сама что выбрала?

– Да конечно я бы выбрала хоть какую-то сумму, чем никакую.

– Я предлагала финансовую помощь, но Мэйси просила меня не идти на подобные меры. Мама с папой тоже не оценили щедрый порыв, который заставил бы их раскошелиться. Ох, ну такая вот я! Что тут поделать.

— Добрая ты душа, Лили.

— Не могу не поспорить. Добрая, но одинокая. Держимся с братом вместе. Кстати. Брат нас подвезёт, — добавила она, когда мы приблизились к дороге, — он как раз тоже уже заканчивает занятия.

— Твой брат не будет против моей компании?— с сомнением ответила я, ведь навязываться было бы стыдно. Я замешкалась и поправила прилипшие к лицу волосы. — Он в курсе, что ты не одна?

— Конечно... Не в курсе.

— Но...

— Ой, да брось. Он делает всё, что я попрошу, чтобы не расстраивать свою любимую сестрёнку, — гордо ответила она. Должно быть, у них близкие отношения.

На улице шум и гам, студенты вдоволь болтали друг с другом, освободившись после занятий. Лёгкий ветерок трепал волосы, однако солнце светило ярче обычного и грело кожу. Прогуливаясь вдоль тротуара мимо отъезжающих с территории машин, я заметила компанию парней в схожих куртках бордового цвета. Ребята голосили и кривлялись друг перед другом словно обезьяны. А вот и вчерашний Бен среди них. Бен, с которым я имела неосторожность столкнуться возле общежития. Вновь лицо моё скривилось в неприязни к этому парню, я так и чувствовала, как разъехались нахмуренные брови. Что, если он увидит меня и подойдёт ближе? Но что он мне сделает? Еще и на глазах у посторонних людей. Мысли здравые, но желание сбежать отсюда по какой-то причине никуда не девалось.

Лили тем временем высматривала машину брата и придерживала меня за руку как маленького ребёнка, идущего вместе с мамой. Взгляд мой прикован к Бену, я таращилась на этого парня без всякого стеснения, со страхом в глазах и надеждой остаться для него незамеченной серой мышкой. В кожаной юбке от волнения вспрела пятая точка, и одежда вмиг стала неудобной. Неприятности ждали меня всюду, они бок о бок шли со мной последние годы, но встречать в ссору после переезда в новый город – дело гиблое. Ну где же там

брат Лили???

Чёрт, меня заметили...

– Эй, ты! – злобно крикнул Бен в мою сторону, и вся его разношёрстная компания обернулась в сторону той, кто послужил причиной смены настроения их друга.

Они стояли метрах в десяти от нас с Лили, и Бен угрожающе двинулся к нам широкой походкой, оставив друзей одних. Я напряглась, а Лили крепко взяла меня за руку, скрепив наши пальцы вместе. Она выпрямилась и приоткрыла рот в попытке сказать что-то, но перед нами возникла мужская спина в кожаной куртке, отгородившая от приближающегося Бена.

– Какие-то проблемы? – обратился к нему мистер Неизвестный.

Лишь один его тон поставил Бена на место, тот замер в метре от парня. Ровный и уверенный голос, без нотки агрессии. Ощущение защищённости тут же обволокло меня, рука Лили расслабилась и отпустила мою. Бен, сдаваясь, примирительно поднял ладони вверх в качестве белого флага. Его лицо переменилось, словно этот неприятный человек совершенно ничего дурного не замышлял и просто проходил мимо.

– Нет, всё хорошо, просто хотел поздороваться, – ответил ему Бен с искривлённой улыбкой. Перед тем как развернуться, он посмотрел на меня взглядом, который говорил, что это была не последняя наша встреча, и ретировался подальше от

нашего защитника.

Парень обернулся, в тот же момент по схожим чертам лица и оттенку волос я признала в нём брата Лили, чью машину она высматривала. Голубые глаза, на уровне роста выше меня минимум на голову, словно подсвечивались на фоне тёплого солнца и осматривали каждый дюйм моего лица с интересом.

– Не успела разволноваться? – с волнением спросил он у меня.

– Нет, Бен толком не успел ничего сказать, – ответила я, избегая зрительного контакта во избежание смущения.

– Не обращай на него внимания, он неудачник. Чувство собственной никчёмности Бен привык повышать за счёт унижения. И неважно кто эти люди: друзья или же малознакомые ребята. У нас здесь таких не жалуют, однако, у этого Бена есть некое преимущество.

О преимуществе я не решила расспрашивать, отложу на потом. В своих словах парень нескромен так же, как его сестрица. Или это особенность всей молодёжи Пенбрука? Пока что помимо Мэйси, не способной связать вместе и пару слов без приступа тревожности, остальные ребята за словом в карман не лезли.

– Вот и братец подрос, – Лили протиснулась между нами, повесившись на него с объятиями, – ты очень вовремя. Ты вообще видел, как этот придурок топал в нашу сторону? В голове пронеслось множество гадких слов, которые я бы

выплюнула в его адрес, однако репутация моя точно рисковала пострадать.

Это всё славно, но только я до сих пор не услышала имя незнакомца. Как к нему обращаться?

— Ой, да, Тимми, это моя подруга Энн, — представила нас Лили и взяла брата под руку.

— Вот как. Энн, — улыбнулся он в мою сторону, — рад видеть рядом с Лили приятную девушку, а не очередную зазнайку, желающую повысить авторитет за счёт нашего имени.

Лили взяла брата под руку и уткнулась головой в мужское плечо, выражая сестринскую любовь. Тот явно смутился и едва закатил глаза, но улыбка не исчезала.

— Энн, как ты поняла, это мой красавчик Тим. Никому его не отдам, но если будешь хорошей девочкой, то рассмотрю твою кандидатуру.

Не сказала бы я, что Тип в моём вкусе, поскольку светло-волосым редко отдавала предпочтение, однако тот явно знал себе цену и осознавал благородное происхождение. Если на секунду он расслабляется и горбится, то тут же выпрямляет спину, задирая нос. Голос приятный, ласкает слух и увлекает за собой. Пока мы разговаривали, стоящие рядом студенты подслушивали слова Тима.

— Ты вновь ведёшь себя как моя мамочка.

— Приходится, раз наша мамочка уклончива в своих родительских обязанностях.

По смиренному лицу Лили заметно, что не впервые она получает в свой адрес подобные слова.

На этот раз оба родственника закатили глаза, сестра щекотнула Тима в бок, отчего парень захихикал девчачьим голосом, но тут же прокашлялся.

— Извиняюсь, но щекотка – моя вечная слабость.

Тим кивнул в сторону своего тёмно-синего BMW, стоящего у тротуара метрах в десяти от нас, и ускорил шаг, дабы успеть раньше меня и открыть заднюю дверь. Компания девчонок окинула меня любопытным взглядом и зашучулись.

— Опять нашла себе ляльку, – проговорила одна из них.

— Очередная благотворительность. И эту замучает своей опекой, как предыдущую новенькую. Тиму стоит проявить большую строгость, чтобы Лили не распылялась на каждую девицу. Вот бы стать её подружками. Представь, какая жизнь нас могла ждать?

Я посмотрела на девчонок, дав понять, что всё слышала, и те тут же отвернулись, сменив тон разговора. Признаю, что не против заботы, ведь я лишилась её, как только Эвелин покинула этот мир. И если ребята искренне желают опекать чужого для сего города человека, то валяйте.

За мной аккуратно захлопнулась дверь. В салоне пахло яблоком и кожаной обивкой. Лили же села на пассажирское сиденье спереди, скинула туфли и с облегчающим звуком подняла ноги на автомобильный бардачок, вытягивая паль-

цы. Как только я удобно расположилась сзади, она ухмыльнулась брату, и тот ухмыльнулся в ответ:

– Опять в приподнятом настроении? – спросил Тим, усаживаясь на нагретое солнцем водительское кресло.

— Такой джентльмен, – улыбнулась она, погладив его плечо, и Тим дёрнул им, сгоняя руку Лили.

Хоть он и улыбнулся её словам, мне показалось, что они его засмущали.

— Я рада, что братец еще не разучился общаться с прекрасной половиной человечества, – Лили повернулась ко мне, шепча в руку, – у Тимми уже три года не было девушки.

— Не коверкай моё имя, женщина, – проворчал он.

Хм. Они вдвоем здесь весьма популярные, Тим симпатичный парень. Почему у него давно не было отношений?

— Как говорится в одном моём любимом фильме... «маниеры – лицо мужчины», – прокомментировал Тим, объясняя свой благородный порыв открыть передо мной дверь.

— О, это ведь из Кингсмэна? – вспомнила я.

В зеркале заднего вида наши глаза встретились, и отчего-то мой взгляд намертво притянулся к Тиму. Давно... Давно я не имела контакта с парнями и тревожусь, как бы не проявить чрезмерного любопытства. Тем временем молодой человек явно доволен моим знакомством с фильмом.

– Всё верно. Хорошая фраза, не так ли? Пропустить вперёд, открыть дверь – это всё настолько простые вещи, приятные девчонкам, и просто стыдно не приложить хотя бы этот

минимум усилий. В моём круге общения лишь джентльмены, как и я сам. Ах, да, Лили. Нет ничего страшного в отсутствии девушки. Что толку от отношений, если окружающие нас сверстники падки на родительские деньги. Три года посвятил себе и семье, а романтика впереди. Кто знает...

Наши взгляды вновь на мгновение пересеклись. Это он на меня намекнул? Вот же обольститель! А может, мне тоже нужны только его деньги?

— Симпатяга да при деньгах, — подытожила Лили. — Я таких девчонок не осуждаю. Есть на что посмотреть. Мы ведь Стоуны, не забывай. Завидная партия.

Лили произнесла это с такой гордостью за себя и брата, мягко погладила его плечо и обернулась ко мне в пол-оборота. Что это за намёки опять? Не люблю гляделки.

В голове всплыл наш с ней разговор вчера в кафе, она упомянула, что брат всегда был для неё примером и единственным мужчиной в доме, ведь Стоун старший убегал на работу ранним утром, а возвращался порой за полночь.

— Так что, куда тебя везти, дорогуша? — опомнилась Лили, настраивая на айфоне навигатор для Тима.

— Хочу до родителей доехать. Подкинете? Это на Литкер стрит.

— Курс на Литкер стрит! — скомандовал Тим.

Солнце уже привычно светило через окна, зарумянив мои щёки. Сейчас бы прохладного уличного воздуха, но я слишком постеснялась спросить разрешения и опустить стекло, а

потому просто с наслаждением осматривала город.

Тим шутил всю дорогу, отчего у нас с Лили горели щеки не только от солнца, но и от смеха, а у неё, наверное, еще и горло, ведь большую часть смеха составлял беззаботный хрюк, которого она явно не стыдилась.

Я узнала, что в прошлом году Тим серьёзно подвернул ногу в придорожном магазине в гонке за последнюю пачку Pringles с семиклассником.

— Из-за этого шкеда пришлось брать попкорн с сыром, ведь нужно было что-то купить для просмотра «Сверхъестественного». Нормальный попкорн тоже разобрали. А как вы все знаете, сырный жутко воняет грязными носками, – Тим изобразил вид, будто его тошнит.

— Боже, из твоей комнаты тогда доносился такой ужасный запах, – Лили перебила его, заливаясь звонким смехом, – помню, Кимберли еще долго говорила, что моему брату не мешало бы начать мыться после футбольных тренировок.

— Ким – это её старая подруга, – пояснил мне Тим, чтобы я знала, про кого идёт речь.

Мы еще немного потрепались о том, как у кого прошел учебный день, и вскоре ребята меня высадили прямо у родительского дома, и мы попрощались. Лили обещала позвонить.

Я зашла к родителям буквально на пару часов, поделилась впечатлениями, которые вряд ли им были интересны,

и, плотно поужинав, направилась наслаждаться погодой. В этом городе так много парков, поэтому я должна потихоньку начать их покорять. В десяти минутах от родительского дома располагался прекрасный сквер, именно туда и лежал путь.

Моя пятая точка продолжала потеть, поэтому я постоянно старалась незаметно отдернуть юбку от своей кожи, пока добиралась до парка. Меня замучила жажда, лоб напекло, и я мечтала о бутылке холодной воды. Из-за пересохшего горла во рту образовалась пустыня.

Ум покинул меня и в желании съесть прохладное, я купила карамельное мороженое и нашла приличную скамейку. Тягучая, нежная и дико сладкая молочная масса обволокла рот и увеличила жажду воды. Грандиозная ошибка. Вспотевшая попа, подступающий диабет... Не так должен был пройти мой первый учебный день.

Я находилась наполовину в тени, поэтому легкий ветер обдувал сбившиеся от влаги пряди волос, которые некомфортно лежали на лице. Зря я не забрала волосы, не продумала. И вновь я ругаю себя! Сестра давно бы наподдавала по губам.

Передо мной раздался звонкий лай собак, играющих со своими хозяевами на свободной от деревьев полянке посреди парка. Я залипла. Смотря на щенков и взрослых собак, мои глаза светились особенным светом. Мысли заполонили вечные мечты о собственной собаке. Мечты навевали тоску, а потому пришло время двигаться в сторону нового жилища.

Точнее, оно пришло, если бы не знакомая фигура, медленно прогуливающаяся по асфальтовой дорожке. Что здесь делает мистер Тэйт? Глупый вопрос. Естественно, гуляет. Что же еще ему делать в парке? Жарить яичницу?

С момента занятий молодой человек сменил рубашку и классические брюки на белую свободную футболку и серые джинсы. С таким жителем уже без зазрения совести можно поболтать в свободной обстановке. То ли от погоды, то ли от волнения, что профессор идёт в мою сторону, ладошки неприятно посырели. Срочно выпрямить осанку! Я расправила плечи и направила загадочный взгляд вдаль, словно не ожидая встретить никого из знакомых. Подошедший силуэт создал полную тень, преграждая путь солнечным лучам ко мне. Господи, спасибо!

– Мисс Никельсон? – профессор остановился в паре метров от меня, – Вы не будете против, если я присяду рядом?

Зачем вдруг ему садиться рядом со мной?! Снова отругает за опоздание, как непослушную школьницу? Мои глаза переметнулись на профессора, невинно взглянув на него снизу вверх. Его подтянутая фигура очерчена солнечными лучами, волосы переливались из тёмного цвета в шоколадный, играя своими бликами. Я, наверное, расплылась в улыбке. Было приятно, что после первого же дня меня запомнили, пусть если и не в благородном свете.

– Ой, нет-нет, конечно нет. Пожалуйста, – я отодвинулась от центра скамьи и жестом пригласила его на нагретое мной

место. – Какими судьбами? Живёте недалеко?

– Благодарю, – обратился ко мне профессор спокойным и усыпляющим на мгновение голосом, присаживаясь рядом на некотором расстоянии, помогающему нам соблюдать дистанцию, – живу не рядом, просто люблю гулять на свежем воздухе, проветриться. Это расслабляет и позволяет отвлечься от насущных проблем. К тому же этот парк один из популярнейших в Пенбруке. Ничего, Вы еще многое узнаете про наш город. А сами как? Были неподалёку?

– Я навещала родителей, наш новый семейный дом как раз в этом районе.

Позабыв об обтягивающей юбке, я закинула ногу на ногу, оголив больше, чем полагалось в присутствии профессора, но тот даже не взглянул на сверкающую под солнцем кожу. Славно. Значит, не озабоченный маньяк. Расстроило ли это меня? Возможно. Но и пялиться тоже было бы некрасиво, мы друг друга не знаем толком, и он мой профессор.

– Давно приехали в Пенбрук? – спросил он и принялся открывать маленькую бутылочку с водой, вкус которой я представила в своём сладком от мороженого рту.

Профессор только-только открыл крышку, как сразу остановился и спросил, уловив мою заинтересованность...

— Вы, должно быть, хотите пить? Возьмите, она новая. Только что купил, оставьте себе – он протянул мне бутылку и вытер влажную из-за неё руку о другую руку.

— Но... Как же Вы? Передумали?

Что за джентльмены вокруг. Они с Тимом случайно не лучшие друзья?

— Можем пройтись до одного интересного места, которое сможет утолить и мою жажду, – улыбнулся он, – так как? Давно ли приехали сюда? Прошу прощения, если вот так врываюсь с расспросами. Просто у нас принято свободное общение со студентами, ведь процесс обучения при таком раскладе проходит более расслаблено, и приоритетом становится обмен знаниями, ребята не стесняются меня и просят пояснять, если что-то непонятно.

– Хороший подход, да. Однако, при этом Вы всё же славитесь и своей строгостью.

— Вы, Мисс Никельсон, уже неплохо осведомлены положением дел в нашем университете.

В тот же миг мы оба улыбнулись.

— Вернёмся обратно. Что ж, я переехала несколько дней назад, – ответила я и отпила самую вкусную воду на свете.

— И как, пришёлся по вкусу наш город? Что успели осмотреть?

– Пока рано делать выводы. Одно могу сказать точно: я в восторге от отсутствия дикой толкучки на улицах и нескончаемых автомобильных пробок, как это обычно бывает в больших городах. Там люди ходят как зомби, сбивают тебя с пути и вечно спешат куда-то. В таких местах нет «души».

— Так Пенбрук небольшой, здесь подобных проблем никогда не увидите. И знаете... Я абсолютно с Вами согласен, –

он кивнул в знак солидарности, трогая свою щетину. – Суета мне тоже чужеродна. Она убивает всякую возможность наслаждаться простыми радостями жизни. Будь то предвкушение от первой во рту порции мороженого или детский интерес в глазах от вида пробегающего рядом щенка.

– А, что? Но как Вы...?

– Наблюдательность, только и всего. Я заметил Вас минут пять назад, успел подметить кое-что.

Джон сидел, скрепив свои крепкие пальцы рук между собой, и аккуратно рассматривал меня, в глазах виднелась искра интереса, любопытства, желания сказать или спросить что-то еще. Какой это был интерес? Интерес ко мне как к новой студентке или как к девушке? Со временем станет понятно. А был ли он сам интересен мне?

Я смотрела на него и видела статного мужчину, которого еще совершенно не знала. Каковы его интересы, привычки, какой характер... Понятно только одно – он весьма привлекателен. Такие люди обычно знают себе цену, могут быть заносчивы или слишком требовательны. Второе качество, если верить слухам, ему точно присуще. Если подтвердится и первое, нам точно не по пути.

Ухоженная щетина, очерченные и при этом плавные скулы лица. А глаза... Его карие глаза, словно гипнозом, влекут тебя в неизведанный, темный мир. Темный ли он на самом деле? Ах, как же давно я не общалась с мужским полом, готова любоваться каждым приятным молодым человеком,

заговорившим со мной. Но а как же школьные мечты о красавчике-профессоре, тайных отношениях и дикой зависти от самых стервозных звёзд университета? Стоп, хватит. Нужно вливаться обратно в разговор!

– Заметили и целенаправленно направились в мою сторону? – заинтересованно поинтересовалась я в желании смутить профессора. Что он на это ответит?

Голос Джона приобрёл шлейф задумчивости.

– Как я упомянул, мне нравится быть в хороших отношениях с моими студентами. Так легче выстраивать общение на занятиях. В прошлом не посчастливилось пройти через не самый приятный опыт, будучи учащимся, поэтому я точно решил, что в случае преподавания заслужу уважение и доверие моих студентов. И я это сделал.

Какие неожиданные откровения в первый же день. Кому-то не хватает общения? Мистер Тэйт горд собой и наверняка действительно добился желаемого.

– Это похвально, мистер Тэйт, – теперь уже улыбнулась ему я. Учёба часто вспоминается на пару с неприятными личностями.

— Не будем о горестях жизни. Что же я, обещал даме показать интересное место и тяну с этим, – профессор встал и протянул мне руку, – пройдемся?

Я растеряно смотрела на протянутую мне руку и не решалась протянуть свою в ответ. До моей реакции прошла, по меньшей мере, томительная для мистера Тэйта минута.

— С удовольствием, — моя рука, наконец, коснулась его тёплой, широкой ладони, которая помогла мне подняться со скамейки. Как же приятно за неё держаться... Столько лет одна, всё сама, бед подруг, без друзей. В Пенбруке всё обещает сложиться удачно.

Мы шли минут пятнадцать, непринуждённо обмениваясь историями из своих жизней. Я узнала, что мистер Тэйт преподаёт уже три года, и его профессиональный путь тернист, ведь в таком относительно молодом возрасте трудно завоевать признание старших коллег, поэтому ему пришлось порвать себе ж..., точнее, порвать всех своих недоброжелателей, чтобы быть тем, кем он себя видел. По его разговору прозрачно понятно, что это человек увлечённый, точно знающий свои желания и цели.

– Мне предстоит ещё многому обучиться, чтобы достичь желаемого уровня профессионализма. Все ждут от меня невозможного. Ладно, простите, такой великолепный день навеял на чрезмерную откровенность.

Показалось ли мне, что на секунду мужской голос стал растерянным, опечаленным? Искренен ли он в своих желаниях сам с собой?

Шли рядом. Его уверенная походка, темп которой подстроился под мой, и распахнутые плечи, поддерживающие прямую осанку. Поначалу я едва успевала за широкими шагами, но Джон быстро уловил это. Бархатный голос завлекал, его хотелось слушать. Как непривычно, что меня сопровождал мужчина, я буквально готова визжать. От неловкости, от восторга. Вот бы хоть на секунду профессорская рука косну-

лась моей, лишь на мгновение, пусть прохожий подтолкнёт вбок любого из нас, и всё случится как в фильмах... Кажется, я зазря пропустила половину слов Джона. Пока я мечтала, Вселенная не уловила мои сигналы. Ничего не случилось.

– А вот и оно, – произнёс мистер Тэйт, подняв голову на вывеску, – «Wave». Одно из самых моих любимых заведений. Вы даже не представляете, что там внутри...

Я тут же узнала кофейню, которую заметила, проезжая в машине с родителями в первый день. Надо же! Сама я её не отыскала, зато при случайной встрече с профессором он привёл меня именно сюда. Такая маленькая радость, но до одури приятная.

– Вы не поверите, но мне безумно хотелось сюда попасть. Я заметила это место, проезжая мимо, но даже не рассмотрела его название, – казалось, мои глаза по-детски светились от счастья.

– Да Вы шутите! – он искренне удивился, но наверняка подумал, что я несерьёзно, – если так, то мне приятно порадовать даму. Мне, как мужчине, должно предугадывать желание женщины. Пройдёмте, – мистер Тэйт открыл передо мной дверь и, придерживая её, пропустил вперёд.

Лёгкий, кофейный аромат в сочетании со свежей выпечкой пробудил желание попробовать всё, что здесь предлагают, сколько бы это ни стоило, сколько бы прыщей и калорий ни принесло. Просто берите мои деньги и дайте набить ого-

лодавший желудок всей этой вкусятинной.

Я в нетерпении оглянулась вокруг: аквариум, стоящий вдоль стенки, тянулся на три метра, собрав в себя неизвестные мне виды рыбок всех существующих цветов и оттенков. Интересное решение для такого места. Я совсем отстала от жизни и не поспеваю за современными веяниями моды.

Мы подошли к стойке с меню и манящими десертами. Цены вполне приемлемы для моего бюджета, поэтому я могла разойтись в заказе.

– Выбрали что-нибудь? – спросил профессор, заканчивая озвучивать молодому парню свой заказ.

– Да, я бы попробовала американо и круассан с молочным шоколадом, – ответила я и полезла в сумочку за кошельком.

– Даже не вздумайте, – покосился на меня мой спутник. Он хотел было своей рукой остановить мою, но замер в нескольких сантиметрах, не дотронувшись до неё.

Как мило, мужчины всё ещё угощают девушек. Ох, как неловко. Если вдруг кто заметит? Я и профессор... Платит за меня, придерживает дверь, ну что за манеры. Меня охватило чувство, будто я недостойна подобного отношения. В череде неудач и тяжёлых дней я совсем позабыла, что вообще-то являюсь такой же девушкой, как и все остальные. Я заслужила к себе хорошее отношение. Я не чья-то тень, не плохая дочь и подруга, а добрая и хрупкая девчонка, нуждающаяся в заботе.

В ответ я натянула неловкую улыбку, после чего молча

кивнула в благодарность. Джон расплатился и пригласил за столик у окошка с мягкими креслами, а вскоре нам принесли заказ. Выпечка пахла великолепно, свежая корочка круассана аж блестела.

– Тоже любитель кофе? – поинтересовался он, рассматривая мой стаканчик, – я ради него захожу сюда несколько раз в неделю. Самый отменный кофе варят именно здесь. Знаете, сколько заведений я объездил? Этому следует по праву вручить награду.

– Я больше люблю чай, но сейчас у меня кофейное настроение. А Вы что взяли?

– Это крепкий кофе на любителя, – ответил он, вертя свой стакан, – девушкам он обычно не заходит.

Так вот значит как. «Девушкам обычно не заходит». И часто Вы их сюда приводите под предлогом прогуляться до любимого места? Наверняка бабник... Я промолчала.

– Куда направитесь следом? – спросил профессор, доедая сэндвич.

– Нужно возвращаться в общежитие. Не помешает лучше его изучить и пообщаться с соседкой, раз мне следует провести там несколько лет.

– Могу подвезти, если желаете. Мне ехать в ту же сторону, машина неподалёку. Но если Вы желаете прогуляться, я не стану настаивать.

Он словно спросил это с надеждой. Согласиться или нет? Ведь нет ничего криминального в том, что я поеду с профес-

сором?

– Мне даже как-то неловко, – засмущалась я. Вдруг кто увидит, как я выхожу из его машины?

– Вас смущает моё положение? Люди подвозят друг друга, это нормально. Адекватные ребята поймут, что это лишь жест доброй воли.

– Нет-нет, не смущает, – соврала я, – я с радостью приму Ваше предложение.

Мы доели и, поблагодарив бариста, вышли к машине, припаркованной возле тротуара. Я шла чуть позади. У чёрного Мерседеса раздался звук открывающихся дверей. Откуда у простого профессора деньги на такую шикарную тачку? В голове начали перебираться мутные предположения, но все они не имели ничего общего с реальностью. Хотелось верить...

– Прошу, – он открыл мне пассажирскую дверь впереди и затем сам занял своё место.

Гладкое, кожаное сиденье в прохладном из-за включённого кондиционера салоне приятно коснулось моих открытых ног. Хвала небесам тут не так жарко, как я ожидала.

– Вам назвать адрес? – уточнилась я, чтобы профессор знал, куда нам нужно ехать, и мы вырулили на дорогу.

– Не переживайте, я знаю, где находится общежитие.

Он что, следит за молоденькими студентками? Мистер Тэйт заметил моё недоумение, и поэтому в салоне автомобиля кротко пронёсся мужской смешок. Серьёзный взгляд

сменился потехой.

— Ох, нет, только не подумайте ничего плохого, — повернулся он ко мне, — просто в его строительстве принимал участие мой дядя. Поэтому я не только знаю его местоположение, но и всё, что внутри находится, я помню наизусть и смогу начертить схему хоть прямо сейчас, если попросите. Хотите? Мне ничего не стóбит. Всё лишь бы не подмочить репутацию.

Ладно, клеймо маньяка с него снято. Пока что.

— Я верю, не переживайте. Что ж, у Вас очень хорошая машина, — подметила я, осматривая внутри дорогое авто и мужские руки, уверенно контролирующие руль. Уже второй раз за день я оказываюсь пассажиром автомобиля бизнес класса. Если быть внимательной, то без труда замечаешь высокий уровень жизни местных людей, ведь машин простого класса я и не наблюдала ни разу.

Может, авто способствует тому, что девушки так тают при виде мистера Тэйта?

— Да. Труд и упорство дают плоды, главное ставить чёткие цели, понимать свои желания. И у меня это получается, ведь я всегда знаю, чего хочу и стремлюсь заполучить это, — он обернулся на меня с едва заметной улыбкой и задержал взгляд на моих глазах, наблюдавших за ним, — но, естественно, лишь достойными способами.

Мне кажется, или я ловлю двусмысленные намёки?

— За желаемое нужно бороться, согласна. Сестра посто-

янно твердила мне это.

Джон одобрительно кивнул, продолжая вести машину.

— Хотел поинтересоваться, почему Вы не остались жить здесь с родителями? Начать самостоятельную жизнь в новом городе было смелым решением.

— Они очень не хотели меня отпускать после... После ситуации с сестрой. Да и к тому же на них явно пагубно влияло то, что я не сепарировалась. Родители смотрят на меня и видят сестру. Они живут в своих воспоминаниях о потерянном прошлом, всё это давит и мешает идти вперёд. Мы варились в одном большом котле, где бурлили тоска и скорбь.

— Я считаю, что вы дали всем вам возможность открыть для себя что-то новое, что вдохнёт желание проживать жизнь с наслаждением. Хорошее решение. Дайте городу шанс, Вы обязательно освоитесь. Главное иметь нужных людей рядом.

— Я как раз встретила хороших ребят. Думаю, мы найдём общий язык. Уже нашли.

— Да, я заметил. Как бы Вы не ушли от одной опеки к другой.

— Поживём-увидим. Редко когда люди сходятся, и я желаю себе лишь добра.

— Как Ваш наставник, рад это слышать. Добро должно притягивать себе подобных.

К этому моменту мы уже припарковались возле кампуса.

— Рад был Вас встретить в парке. Спасибо за приятную

компанию.

Мистер Тэйт собирался было выйти, чтобы открыть мне дверь, но я остановила его, уверив, что не хочу отнимать время, и покинула машину, аккуратно прихлопнув дверью.

Профессор ждал, пока я подойду ко входной двери, и только потом его машина сверкнула фарами и уехала.

Поднявшись, я устало открыла свою дверь и увидела Келли, которая красилась, сидя с зеркалом у окна. Она забавно приоткрыла рот, орудуя тушью для ресниц. Соседка слышала, что я зашла, и увидела моё отражение в зеркале, но даже не обернулась, лишь промычала что-то нечленораздельное. Не могу уловить её настрой в мой адрес. Она собирается со мной сладить или планирует держаться особняком?

– Что? – переспросила я, закидывая сумку на кресло. Не особо мне и хотелось с ней сейчас говорить, но ради приличия нужно хотя бы постараться.

Келли всё-таки убрала свою косметику и обернулась, расчесывая свои объёмные, кудрявые волосы. Румянец играл на женских щеках, свежий взгляд придал ей обаяния. Симпатичная девчонка, но довольно своеобразная.

– Неважно. Просто поздоровалась. Так-так, тебя подвёз мистер «биг дик энерджи», верно? Видела его машину возле кампуса. А ты не промах, знаешь куда метить.

Каменное лицо соседки просто «сияло» от «разнообразия» испытываемых ею эмоций. Господи, Келли, наверно тебя нужно встряхнуть, чтобы выдавить хоть что-то.

От моего ответа наверняка зависела вероятность появления новой сплетни, которая будет долго гулять по университету.

– Случайно встретила профессора, – надо было срочно сменить тему, чтобы не породить у Келли дурные мысли, – как у тебя день прошёл?

Пришлось попытаться развить диалог, ведь нам нужно установить контакт.

— Не увиливай. Ты какую тактику решила избрать: подружиться с соседкой или стоять особняком? Мне-то всё равно, но каково тебе...?

Да она просто прочитала мои мысли...

— Я не увиливаю, это правда. И нет, стоять особняком я не желаю, просто нечего рассказывать.

– Ясно. Ну а я валялась весь день, пар сегодня не было. Сейчас собираюсь на вечеринку. А ты... Была с Лили сегодня? – Келли посмотрела на меня замороженным взглядом. Только пришла и сразу допросы.

– Была с ней, да. Очень мило с её стороны помочь мне в первый день. Меня это вернуло к флешбекам с сестрой.

Я принялась переодеваться в пижаму, мятую и накинутую на кресло.

Келли полностью развернулась ко мне и запрокинула ногу на ногу, постукивая своими длинными, голубыми ногтями по коленке, отбивая известный только ей ритм.

– Как она тебе? – выжидающе поинтересовалась она.

– Ты ведь вчера спрашивала. Вполне милая, как и её брат. Они подбросили меня до родителей.

– Мы с ней довольно близко общались одно время, но ме-

ня они ни разу не катали.

Она и Лили? Близко? Что Лили привлекло в ней? Они же совсем разные люди, к тому же Келли не выглядит девчонкой, нуждающейся в помощи.

– Вы с Лили хорошие подруги? – с интересом принялась расспрашивать я, пока она игралась с подолом своей юбки.

Она расхохоталась.

– Нет, скорее хорошие знакомые. Слово «друг» имеет слишком большую ценность и значимость, им не разбрасываются. Мы просто периодически встречались... – она оглядела полураздетую меня с ног до головы, – но это было давно. Давно и ... интересно.

– Встречались? – я уловила в этом слове двойное значение.

– Виделись, а не то, что ты подумала. Мы ведь обе всё-таки по мальчикам.

– Да я, собственно, ничего такого не успела подумать, – бросила я.

Ложь. Конечно, я подумала. Взгляд моей соседки был как всегда оценивающий, она прикидывала, что мне можно рассказать, а что не следует. Вскоре она прервала свою аналитическую деятельность и продолжила...

– Знаешь... В то время я открыла для Лили мир новых, неизведанных ощущений. Поначалу она отказывалась, – на её лице отразилась хитрая ухмылка, – но интерес взял верх. Она девочка любопытная, открытая.

Диалог набирал новые обороты, к которым я не была морально готова. Пальцы на ногах не хотели меня слушаться, пока я натягивала на них носки. Сдавшись, я решилась расспросить Келли, чтобы внести ясность.

– Новых и неизведанных – это каких? – я сделала вид, будто совершенно не поняла, что именно Келли имела в виду. Пусть уж сама договаривает, а то вдруг я неверно истолковала её слова.

Вместо ответа Келли молча встала и направилась к моей кровати. Я замерла. И что мне сейчас ждать?

– Вот ты. У тебя был интересный опыт... иного характера, чтобы разнообразить свою скучную и бездарную жизнь? – спросила Келли.

Мать твою, что за вопросы? У меня который раз за сегодня запотели ладошки, я громко вздохнула. Келли взяла мою руку и с силой подняла меня с кровати. Моё тело врезалось в неё. Стало не по себе. Лицо Келли горело азартом, уголки её губ плавно поднимались параллельно тому, как она разглядывала моё лицо. Она, как и Лили, была готова на все безбашенные идеи, которые могли и не стыковаться с её образом жизни, но мне до них далеко. Но если Лили выглядела той, кто десять раз подумает и не будет рисковать, то о Келли я этого пока не могу сказать.

– Нет, ничего такого не было.

– Хочешь, я могу показать, каково это? Вы все живёте слишком скучно, нужно вносить яркие краски, – Келли кос-

нулась моих пальцев рук и принялась гладить их, растягивая каждое движение.

Её кожа была очень мягкая и приятная, как у ребёнка. Собственно, она так же и выглядела. Нежные, неизведанные касания были мне в новинку. Любопытство взяло верх, хоть я и не придерживалась подобных взглядов на половую жизнь. Да и Келли, судя по всему, тоже, но разнообразие она понимала по-своему.

Нежные руки Келли поднимались по моей шее, щекоча ногтями, затем коснулись щеки. Я почувствовала бархатистость её кожи и склонила голову, подавшись в сторону руки. Всё это так странно и чужеродно. Шлейф её вишнёвого бальзама проник в нос. Ох, зачем я это делаю? Её губы коснулись уголка моих губ.

– Ты издаёшь такие милые звуки, – тихо сказала она мне, слыша едва уловимые вздохи.

– Давай больше не затевать ничего такого, хорошо?

Я отшагнула назад и дотронулась до своих губ. На них остался блеск.

– Скуотища. Ладно. Что было здесь, останется здесь, верно? – улыбнулась она, но я заметила горесть, которая под этим скрывалась. – А ведь мы могли бы повеселиться.

– Не назвала бы это скуотищей. А новых открытий мне не хочется.

— Парни не чувствуют девушку так же хорошо, как это делает другая дама. Понимаешь?

— Понимаю, но лучше тебе продолжить собираться. Куда ты там планировала?

Некоторое время мы еще провели вместе, поели и обсудили личности преподавателей, а потом Келли ушла на вечеринку. Она обещала вернуться завтра ближе к обеду. Я облегчённо откинулась на свою постель. В носу стоял аромат чуть сладких духов, а во рту — вкус вишнёвого бальзама. В голове крутились разного рода мысли. Я не такая! Это просто ради интереса я не отошла сразу.

Сонные глаза вот-вот начали закрываться, как вдруг телефон на тумбочке завибрировал. Тело дёрнулось от неожиданности. Боже, кому и чего от меня надо в такой час? Приоткрыв один глаз, я посмотрела на экран. Входящий вызов. Лили Стоун.

— Алло, — сонным голосом ответила я на звонок, потирая глаза.

— Привет, дорогуша! — я услышала весьма бодрый голос на другом конце провода.

— Обещала позвонить и держишь своё слово, да? — впервые я была расстроена тем, что кто-то своё слово действительно сдержал.

— А ты сомневалась? Придёшь в субботу ко мне на вечеринку? Отказ не принимается. Я могла бы и не спрашивать, а сразу тащить к себе.

У них тут сплошные вечеринки что ли?

— А почему так заранее? — удивилась я, — сегодня лишь

понедельник.

– Ах, да. Прости, мне придется отлучиться на пару дней. Во Флориде планируется конференция с японцами. В ней отец участвует. Мама позвала меня в качестве поддержки, да и новые связи в богатых кругах не помешают.

– А что там такое будет? – при упоминании Японии мне стало интересно, ведь мои любимые аниме родом оттуда.

– Ой, что-то связанное с развитием японской культуры в Америке. Папа едет от лица нашего города, заменяя мэра. Какой-то важный мужик приезжает... А, чего? – кто-то крикнул Лили, и она отвлеклась, – а-а-а, боже. Опять ваше аниме что ли, – посмеялась она в ответ кому-то, – Тим говорит, что это Хадзимэ Исаема. Правда, мне это имя ничего не говорит.

– Ка-а-а-к?! Обалдеть! Лили, да это же создатель Атаки Титанов!

– Атака кого? – она совершенно точно не слышала о таком...

– Тита-а-нов! Ты что, не знаешь? Это очень популярная постапокалиптическая манга.

– Манго я знаю только спелое и тропическое, а в ваших этих хентаях я не разбираюсь.

Я услышала заливистый смех Тима на фоне у Лили, от которого у меня в телефоне завибрировало. Значит, Тим шарил в этой теме. Красавчик. Нашего человека видно издалека.

– Тим, заткнись, – она начала бурчать на брата, и в трубке я слышала лишь непонятную кабафонию из их смеха, шуршания телефона и подколов от Тима.

– Лили, умоляю, привези мне что-нибудь с этой конференции, пожалуйста. Я всё что угодно сделаю за это! Готова драить ваши полы и намыывать посуду.

– Расслабься, я прихвачу что-нибудь за просто так. Помни мою щедрость, дорогуша.

У меня подступили слёзы, и я заёрзала на постели. Я просто обожаю Атаку Титанов, аж руки задрожали от мысли, что Лили будет присутствовать там и, возможно, даже услышит что-то сенсационное и эксклюзивное. Да еще и подарок мне привезёт! Господи, спасибо!

– Так, а когда ты вернёшься? – опомнилась я после минутного забвения.

– В четверг, ближе к ночи. Не переживай, я попросила Тима быть на низком старте в случае необходимости. Если надо что-то показать, куда-то отвезти, то смело маякни ему. Он у нас добрая душа, любит побыть героем.

– Мне неловко... Но, если честно, это было бы полезно. Что ж, пришли его номер тогда.

– Он уже взял у меня твой, должен объявиться сам. Ну всё, крошка, иди спи, а то у тебя какой-то уставший голос.

Щёки покраснели от стыда.

– Возможно обсудим это потом, когда ты вернёшься.

– Ладно. Ну, адьёс, – попрощалась она.

В трубке запиликало, знаменуя конец разговора, и я вздохнула с облегчением, отложив телефон на прикроватную тумбу. Теперь можно спать наконец-то. Как только сновидения начали проникать в мой мозг, я вновь услышала раздражающую вибрацию на чёртовом телефоне. Возникло желание бросить его в стенку.

Ну что там? Лили рассказала мне еще не всё, что хотела? Я еле нащупала телефон и вновь посветила ослепляющим экраном себе в глаза, а затем увидела сообщение от неизвестного получателя... «Моему номеру телефона будет весьма приятно, если он поселится в твоём списке контактов. Приютишь беднягу?». Подпись – «Тим».

Я расплылась в сонной улыбке и напечатала... «Так и быть, пусть остаётся тут».

Тим ответил мне улыбающимся смайликом, и я сразу же убрала телефон обратно, выключив звук и вибрацию, а затем погрузилась в долгожданный сон.

Утром я проснулась разбитой, не понятно от чего гудела голова. Ближе к вискам эхом раздавалась ноющая пульсация, которую пришлось заглушить таблеткой и отправиться на занятия, напялив бежевую толстовку со спортивными штанами для удобства. Сегодня нужно было утеплиться, ведь на улице стояла совсем не лётная погода. Обещали дождь и следовало привыкнуть к резким сменам погоды. В университете оказалось довольно тихо и спокойно. Сложилось ощущение, что у всех пятисот студентов сразу возникли неотложные дела, и все они решили пропустить пары. Ладно, это ведь не моё дело, каждый сам вершит свою судьбу. Их право – не приходить, а моё – следовать кодексу ответственного студента. Папа не для этого оплатил моё обучение, чтобы я пропускала пары в первые же дни.

Найти нужную аудиторию оказалось не так уж и просто, непонятную нумерацию катастрофически трудно понять. Я копалась в телефоне, открыв план секций нашего корпуса, но с бурчанием психанула, не сумев сориентироваться во всём этом, и кинула телефон в сумку. День не задался с самого утра. Я прислонилась к стене, наблюдая над проносившимся мимо меня неожиданным студенческим потоком. Может, это знак, что и мне не нужно никуда идти?

– Мисс Никельсон? – окликнул меня знакомый голос.

Обречённо поднятые глаза узрели официально одетого мистера Тэйта с плоским портфелем в руках и в строгом прямом пальто.

– Доброе утро, профессор, – кивнула я, не отходя от стены.

– Кажется, я понял Вашу проблему, – задумался он, – профессор Зальцман, верно?

– Вы угадали, – удивилась я и таки отпрянула от стены, – покажете направление?

– Не покажу, – его лицо было серьёзным, поэтому я опешила. Э-эм? Я не ослышалась?

– Не покажу, а провожу, – поскорее продолжил он, чтобы я не успела расстроиться или уйти. Мистер Тэйт поправил воротник своего черного пальто и позвал следовать за ним.

– Спасибо. Не хотелось бы опаздывать, – я быстро перебирала ногами, чтобы успеть за профессором.

– К профессору Зальцману можно. А вот ко мне не следует.

Тут я не сдержалась и тихо хихикнула в надежде, что он меня не услышит.

– Мне бы не хотелось выделять определённых преподавателей, поэтому постараюсь ко всем приходить вовремя.

– Вот как? Похвально, – мне показалось, или он расстроился моим ответом? – так, мы подошли, – профессор кивнул в сторону крохотной двери и вежливо попрощался.

– Спасибо! – бросила я в ответ и дёрнула за ручку.

Заняв место практически в центре зала, краем глаза я заметила с краю темноволосую девчонку, которая на днях подбегала к Лили на улице. Она неповоротливо копошилась в своей сумке, то и дело роняя мелкую канцелярию. Как же её там... Мэйси, точно. Волосы лохматые, неряшливый вид. Как она еще находит силы приходить на занятия, если всё время посвящает бабуле.

– Энн! – писклявый голос, хозяйка которого меня тоже узнала, приближался ко мне, пробираясь через стулья. Честно, мне хотелось, чтобы она меня не заметила.

Мне оставалось только приветливо улыбнуться. Подойдя к соседнему стулу, Мэйси уронила на пол все учебники, которые были при ней. Они просто не помещались в её крохотных ручонках, пытающихся непосильно уместить всё и сразу. Ей бы научиться оценивать свои силы. Что за растяпа...

– Божей мой, прости, пожалуйста, – она спешно принялась извиняться чуть ли не со слезами и мыркнула вниз на корточки, чтобы подобрать книги.

— Бог тебя не исправит, – произнёс кто-то по соседству.

Одна из книг прямо краем упала мне в стопу, и я поморщилась от колкой боли, что чувствовалась еще некоторое время.

– Ничего страшного, Мэйси, – успокоила я, – не переживай так.

Я помогла ей всё поднять, и Мэйси наконец-то села рядом, разложив мелочи на столе. Обе пары она меня не отвлекала

и неловко молчала, изредка шмыгая носом, чем приводила в бешенство. Почему такие люди не носят с собой салфетки? Еще и от смертной скуки хотелось повеситься, а в толстовке стало жарко, и у меня вспотела грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.